

Мир по дороге

Автор:

Мария Семёнова

Мир по дороге

Мария Васильевна Семёнова

Волкодав

Новый роман Марии Семёновой о прославленном Волкодаве, последнем воине из рода Серого Пса!

Цикл романов о Волкодаве давно стал классикой современной российской фэнтези. Книга «Мир по дороге» является прямым продолжением романа «Истовик-камень».

После семи лет в самых страшных забоях Самоцветных гор Волкодав отвоёвывает свободу. Спустя примерно год он пускается в путь, чтобы отдать должное погибшим друзьям и поквитаться с обидчиками. Ему кажется, что тщательно обдуманное путешествие продлится всего лишь несколько месяцев. И что он справится с намеченными делами один, без помощников.

Как же он ошибается...

Мария Семёнова

Мир по дороге

© М. Семёнова, 2014

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

МИР ПО ДОРОГЕ – старинное приветствие путешественников. Содержит благопожелание страннику и в то же время намёк, что люди на дороге – своего рода община, «мир», где все помогают друг другу.

Автор сердечно благодарит

Павла Молитвина,

Елизавету Кульчицкую,

Константина Кульчицкого

и

Дмитрия Тедеева

за неоценимую помощь в разработке некоторых реалий

Сидим с тобой по сторонам огня.

Наш кров сегодня – только в небе тучи.

Почти со страхом смотрит на меня

Нежданный мой, негаданный попутчик.

Он для меня – что запертый сундук.

И явно сам никак понять не может,

Несу ли я в нежданном взмахе рук

Объятье друга? Или острый ножик?

Ты разговор пустой пока что брось...

С рассветом – снова в путь, и, может статься,

Тропинки наши скоро прянут врозь,

Чтоб никогда уже не повстречаться.

Глядишь, мы распостимся завтра днём

И, позабыв недавние тревоги,

Украдкой с облегчением вздохнём,

Что оказалось нам не по дороге.

Как мал тепла и света зыбкий круг...

А дальше – ночь, бескрайняя и злая.

Быть может, ты – мой самый лучший друг,

Да только я о том ещё не знаю?

Я не умею прочитать в огне

Грядущего прозрачные страницы,

Где будем мы стоять спина к спине

И пополам делить глоток водицы.

Пусть всё идёт, как спрядено Судьбой,

Ведь мы ещё совсем чужие люди,

И что там впереди у нас с тобой,

Давай пока загадывать не будем.

Но, дотянувшись из позавчера,

Обоих станет греть в ночи огромной

Далёкий отблеск этого костра,

Что приютил двух странников бездомных.

1. Усмешка Богини

Отгорел закат, и полная луна облила лес зеленоватым мертвенным серебром. Это был уже почти настоящий лес, сменивший мхи и корявые жилистые кустики высокогорья. Низкорослые, невероятно упорные сосенки и берёзки запускали жилистые корни в расщелины камня и льнули к южным, нагреваемым солнцем бокам больших валунов. А тропа, которую они обступали, из козьей торёнки успела превратиться в хорошую проходную тропу и готовилась влиться в дорогу, отмеченную следами колёс.

Долина, по дну которой вилась тропа, была ровной и гладкой. В давно минувшие времена здесь полз исполинский змей. Земля под его тяжестью проседала и расступалась. По отвесным склонам, нависавшим слева и справа, ещё можно было видеть отметины, оставленные громадными чешуями. Ледяной змей давно покинул эти места и скрылся в горах, присоединившись к скопищу себе подобных, а долина осталась.

К тропинке выбегал ручей, бравший начало у края ледников. Однажды встретившись, они более не расставались. Тропка по-женски рассудительно, явно зная, куда направляется, вилась между скалами; ручей то напористо

подскакивал к ней, то отбегал прочь. И всё пел, говорил что-то. Словно подбадривал...

Босые ноги не оставляли следов на плотном каменном крошеве. Человек по имени Волкодав шёл вперёд обманчиво-неторопливым, размеренным шагом, изредка оглядываясь на тучу, вползавшую в долину у него за спиной. Катившиеся волны тумана мерцали под луной размытым серебряным молоком, гоня впереди себя волну холодного воздуха. Волкодав просил, чтобы его не провожали. Однако теперь видел, что за ним присматривали напоследок.

Через несколько сотен шагов тропка нырнула вниз и плавно повернула к югу, так что луна повисла прямо впереди.

И здесь долина вдруг кончилась.

Волкодав остановился у края обрыва. Ручей с разбегу вылетал в пустоту и цельной струёй рушился вниз. Падая, прозрачный столб постепенно вспухал и дробился, разлетаясь белыми звёздами. До реки, рокотавшей внизу, падать было не меньше полуверсты.

Тропинка вела себя осмотрительнее. Помедлив на краю, она принималась осторожно спускаться, закладывая широкие петли вправо и влево. Примерно на середине спуска она обнималась с другой тропинкой, пошире, что приходила с востока. Вместе они становились уже настоящей дорожкой, способной принять маленькую повозку.

Проследив её взглядом, Волкодав заметил чёрную тень мостика, устроенного над речным ложем. После мостика дорожка снова начинала карабкаться вверх, петляя по противоположному склону. Чтобы на её перегибах сумела развернуться повозка, требовались умные, крепкие и неробкие лошадки горской породы. У Волкодава лошади не было.

На миг ему привиделись широкие перепончатые крылья, он подумал о могучих симуранах, привыкших перелетать такие долины, не слишком их замечая... Он погнал эту мысль прочь. Прошлого следовало оставлять в прошлом.

Смотри вперёд, в будущее. Пока оно не кончится перед тобой, как эта долина.

Помедлив, он сложил наземь заплечный мешок.

Всякая дорога рано или поздно выводит из одного мира в другой. С Этого света на Тот, а иногда и обратно. Волкодав чувствовал, что впереди его ждёт как раз такой переход.

Важное дело не признаёт суеты. Молодой венн опустился на колени. Большеухий чёрный зверёк, сидевший у него на плече, неодобрительно чирикнул, подвижный нос шевелился, втягивая ветерок. Волкодав вытащил из поясного кошель короткозубый костяной гребень и стал развязывать кожаные ремешки, собираясь расплести косы. Так велел обычай его народа, унаследованный от предков. А те хорошо знали, как вести себя воину на пороге нелёгкого дела, требующего сосредоточения духа.

И Здесь, и Там Волкодаву в своё время довелось хлебнуть лиха.

Когда я прошлый раз пересекал границу миров, меня тащили силком. Сегодня я иду по собственной воле.

Всё-таки он оглянулся через плечо, туда, где высоко над заполненной молочным туманом долиной безмолвно царствовали морозные пики. Кажется, здесь было самое последнее место на дороге, откуда у горизонта ещё были видны три громадных зубца. Волкодав знал, что до смертного часа их не забудет.

Держа в руке гребень, он прикрыл глаза и вдруг увидел весь путь, который ему предстоял. Путь был не особенно долгим. С год, вряд ли больше. И почти прямым. Ну там, один-два поворота. Сперва на юг, в Саккарем. И потом ещё на запад...

В это время дуновение ветерка бросило ему в уши отдалённое эхо человеческих голосов. Волкодав насторожился и понял, что никаких приятных встреч эти голоса ему не сулят. Такими голосами в дурном хмелю подзуживают и подначивают друг дружку на разные непотребства, ему ли было не знать!..

Ну вот. А ведь я только-только вышел туда, где можно встретить людей...

Дорого он дал бы за то, чтобы подольше их не встречать.

Молодой венн ещё несколько мгновений сидел неподвижно, потому что происходившее вдалеке его никоим образом не касалось. Но стоило ему вновь поднять руку с гребешком, как мужским голосам ответил женский. В нём не было испуга и боли, женщина спокойно пыталась усовестить разошедшихся мужиков, но...

Это был голос матери Волкодава.

Голос, отзвучавший для него семь лет назад.

Рассудок твердил, что венна дурачит шалость горного эха. Или какой-нибудь морок, ютящийся на границе миров. Или причуда его собственной памяти. Или...

Да кто ж его слушал!

Гребень полетел обратно в мешок. Волкодав снялся с места слитным движением, не членившимся на разгибание спины и подъём с колен. Снялся и во все лопатки побежал вперёд по тропе.

Чёрный зверёк только фыркнул и покрепче вцепился в удобный ремешок на его левой косе, так и оставшейся нерасплетённой. Кожаный «насед» немилосердно мотало, зверёк то и дело распахивал крылья. Тогда становилось заметно, что одно крыло разорвано почти пополам.

Перво-наперво Волкодав увидел костерок под нависшей скалой. Рядом пасся смирный серенький ослик. Длинноухий безмятежно пощипывал жилистую осеннюю травку. Он ничуть не забеспокоился при виде рослого незнакомца, вылетевшего из-за поворота тропы. У огня лежали расшитые перемётные сумы, войлочная подстилка и смятое одеяло. Недобрые гости потревожили чей-то ночлег. Волкодав мимолётно отметил про себя, что хозяйка осла и мешков – не хозяин, а именно хозяйка – определённо невысокая и хрупкая. Сбавив шаг, он выглянул из-за скалы.

Полная луна светила по-прежнему ярко, бросая резкие тени. Нападавшие – а их было действительно двое – показались венну неразличимыми близнецами. Из таких в Самоцветных горах получались надсмотрщики. Да не совестливые служаки, у которых среди рабов водились друзья, а самые лютые погонялы, гордые потешиться над безответным невольником. Один из двоих держал в руках... нет, не кнут. Толстое копьё с широким наконечником. Второй поигрывал короткой дубинкой, но больше для острастки. Разбойников ждала лёгкая добыча, на кого тут было особо вооружаться?

От них, спиной к Волкодаву, медленно пятилась тоненькая гибкая девушка в синих шароварах и серой стёганой безрукавке. Лунный свет серебрил густые пепельно-светлые волосы, сколотые на затылке деревянными шпильками. Девушка держала перед собой посох, вскинутый в защитном движении. Ни она, ни разбойники ещё не заметили Волкодава.

– Брось палку-то, дура, – сказал державший копьё. – Смотри, осердимся, на неё и насадим!

– Лучше подумай, как нам понравиться, – хохотнул второй. – Тогда мы тебя, может, и не добьём...

Оба говорили по-саккаремски. Для таких, как они, и в Саккареме, и в соседнем Халисуне водилось одно слово: урлаки.

Девушка со вздохом ответила:

– Так-то вы чтите Богиню, Которой поклоняется здешний народ...

В её голосе по-прежнему не было страха, лишь укоризна, но Волкодав не обратил на это внимания. Он услышал достаточно. Качнулось перед глазами дымнобагровое факельное пламя, шарахнулись тени по стенам каторжных подземелий. Зверолюдям с кинжалами и кнутах привезли на потеху рабынь...

Волкодав молча вышел из-за камней. Девушка начала оборачиваться, но он уже миновал её, убирая себе за спину. Рожи нападавших стали запоздало меняться, сквозь глумливую угрозу пополам с похотью проглянуло удивление, к которому подмешивались начатки испуга. У беззащитной добычи объявился заступник. Да такой, что с ним приходилось считаться.

– Шёл бы ты, парень... – утрачивая решимость, проворчал тот, что похлопывал себя по ладони короткой тяжёлой «дубаской».

Копьеносец, возможно, тоже намеревался что-то сказать, но не сказал, поскольку Волкодав двигался прямо к нему. Самому венну казалось, что он так и идёт прежним размеренным шагом, но женщина, опустившая посох, видела, как он метнулся вперёд и пролетел последние шесть шагов одним звериным прыжком.

Копьё высунулось навстречу, но не успело. Острое «железко» ткнуло воздух там, где уже не было человеческой плоти. Волкодав не стал вытаскивать поясной нож, просто потому, что в его роду не держали обычая даже за самые поносные речи платить сразу клинком. Слова – почти всякие – можно и отозвать. А вот разящего лезвия с полдороги не отзовёшь.

Другое дело, что отец Волкодава, успевший преподать сыну эту науку, одним кулаком натворить мог побольше, чем иные – с каким угодно мечом...

Разбойнику въехал в подгрудок стенобитный таран. И превратил его лёгкие в мокрую тряпку, более не способную вбирать воздух. Обидчик женщин отлетел в сторону, роняя копьё. Однако он был куда крупней костлявого венна и вдобавок привычен к битью. Волкодав весьма заблуждался, полагая, что для вразумления ему хватит одного удара под дых.

Тем не менее копьеносец временно перестал быть угрозой. Волкодав крутанулся навстречу второму. Он сделал это как раз вовремя, чтобы уловить движение руки, заносящей дубинку. Урлак действовал не по осознанному намерению, а примерно так, как щёлкает пастью животное, слышавшее кусачую муху. То есть очень быстро. Он не успел сообразить, что нарвался на зверя куда страшнее себя. Рука, вскинутая для удара, хрустнула в локте, пальцы обмякли и разжались, но удар есть удар – «дубаска», надетая темлячком на запястье, ещё продолжала движение, скользнув по рубахе Волкодава и... окончательно вывернув подбитый сустав.

Урлак взвыл.

Вот и пойми, кому из двоих от того удара было больней.

Девушка следила за быстротечной схваткой, опираясь на посох. Если бы Волкодав мог видеть её лицо, он бы удивился выражению спокойного любопытства, смешанного с некоторой брезгливостью. Так взрослый смотрит на безобидную, но злую свару детей, не поделивших игрушку. Когда копыеносец, щерясь и нашаривая оружие, начал подниматься за спиной Волкодава, конец посоха оторвался было от земли, но сразу опустился обратно. Непрошенный защитник успел уловить движение сзади и вовремя оглянуться. Ну, почти вовремя. Кажется, наконечник копья слегка зацепил рукав на левом плече, но это не имело никакого значения, потому что венн больше никого не собирался щадить. Его кулак вмялся головорезу в висок и отправил никчёмную душу на незамедлительный суд той самой Богини, Которую этот саккаремец так скверно чтит.

Второй, у которого с бесполезного запястья свисала «дубаска», уже удирал. Он пригибался, здоровая рука металась подле больной, порываясь прижать её – и не смея, чтобы ещё хуже не стало. Потом, видимо от лютой боли, у саккаремца на какой-то миг померкло в глазах. Он споткнулся и рухнул с тропы под откос. Именно рухнул, прямой, как утратившее опору бревно. Даже не попытался извернуться или спрятать лицо. Падать было не особенно высоко, не больше сажени, но внизу громоздились расколотые валуны. Их каменные углы были гораздо твёрже непокрытой человеческой головы.

Женщина с посохом услышала и поняла донёсшийся снизу звук. Примерно так лопается скорлупа большого, не до конца вызревшего ореха. Женщина только вздохнула. Злая ссора детей опять кончилась непоправимым. Впрочем, она давно уже не надеялась уберечь всех.

Никогда больше двоим выродам саккаремского племени, охочим бесчестить одиноких странниц в ночи, не добраться до Самоцветных гор. Туда, где им вручили бы кнуты и кинжалы, нанимая на проклятую службу...

Волкодав оглянулся, ища глазами девушку, которую поспел оборонить. Нашёл... И то, что он увидел, потянуло у него из-под ног каменистую землю, заставив сесть прямо там, где стоял, – посередине тропы, чего правильному венну, вообще-то, не полагалось бы делать.

Вместо молоденькой девчонки перед ним стояла далеко не юная женщина. Её уже не зазорно было бы честить бабушкой. Волосы, показавшиеся пепельно-светлыми, были высеребрены не лунным светом, а прожитыми годами.

Волкодава обманули её движения, гибкие, как у беззаботной девчушки, счастливо не ведающей о старческой косности тела.

А кроме того...

Бросившись в драку, он умудрился самым позорным образом проглядеть ещё двоих человек. Может, именно оттого проглядел, что от них не исходило угрозы. За камнем в лунной тени шевельнулась другая женщина – в платке и длинной рубахе саккаремской горянки. Стоя на коленях, она испуганно обнимала молодого мужчину, беспомощно уронившего светловолосую голову. Парень выглядел жалко. Голый, избитый до чёрных кровоподтёков, он совсем сполз бы на землю, если бы не обнимавшие руки.

Волкодав снова посмотрел на женщину с посохом. Та обводила глазами осквернённую смертью полянку возле скалы и... сокрушённо покачивала головой.

– Малыш, малыш... – наконец выговорила она по-саккаремски.

Волкодав неплохо знал здешний язык, но в первое мгновение уловил лишь, что голос всё-таки не принадлежит его матери. А странница продолжала:

– Зачем ты убил этих несчастных, малыш?

Венн молча смотрел на неё снизу вверх и тщился что-то сообразить, а она со вздохом добавила:

– Да ещё и сам покалечился...

Он вздрогнул и обнаружил, что, оказываясь, стискивает пятернёй левое плечо, а между пальцами течет кровь, густая и чёрная при луне. Скверная была рана. Из тех, что нескончаемо сочатся то сукровицей, то гноем и никак не хотят заживать, а сросшись наконец, оставляют багровые пиявки шрамов, высасывающие подвижность и силу.

Кончик посоха легонько прикоснулся к его колену, и венн вскинул глаза.

– Поднимайся, глупенький, – сказала женщина. – Пошли посмотрим, что там у тебя. Сам встанешь?

Белобрысый между тем слабо зашевелился, пытаясь если не подняться, то хотя бы ползти. Волкодав подошёл к нему, нагнулся и поставил на ноги. Тот охнул, замычал и схватился за его рубашку, но устоять не было силы, голова клонилась на грудь. Венн обхватил его поперёк тела, перенёс к костру и усадил на войлочную подстилку.

– Спасибо, добрый господин, – тихо отозвалась горянка.

У неё из-под сбившегося волосника тоже поблёскивало серебро и на щеках залегли морщины, оставленные прожитыми годами. Но и её голос не был голосом матери Волкодава.

...Двое молодых мужчин и две женщины, годившиеся им в бабки. Все четверо происходили из очень разных народов. Не самое обычное общество, какое можно увидеть ночью в горах, возле костра под скалой. Причём, как вскоре понял венн, остальные трое были знакомы между собой не намного дольше, чем он с ними.

Он сидел у огня, поджав ноги и всё так же стискивая ладонью плечо. Страница, раскрыв кожаный кошель, смешивала в маленькой чашке невесомые блестящие порошки.

Она журила меня, точно мать, она назвала меня малышом, да ещё и глупеньким, почему? И с какой стати мне кажется, что именно такого слова я заслужил?..

Рука – что рука, тьфу на неё, зарастёт, куда она денется. Худшие раны доводилось на себя принимать. А вот повадки женщины были ему непонятны, и это тревожило.

– Так чего ради ты полез не в своё дело, малыш?

Они умышляли на тебя, госпожа, хотел сказать Волкодав, но вовремя сообразил, что сложил губы не для речей, а для свиста, и, спохватившись, почёл за лучшее промолчать. Тем более что вслух рассуждать об очевидном – всё равно без

толку.

Странница кивнула, не отрываясь от своих порошков.

– Умышляли, – ни дать ни взять подслушав мысли венна, сказала она. – Но ничего ведь не сотворили. Зачем же ты их убил?

Не в силах понять, Волкодав замолчал ещё крепче прежнего.

Светловолосый, умытый и закутанный в тёплое одеяло, лежал с закрытыми глазами. То ли спал, то ли молча терпел немощь и боль. Странница извлекла откуда-то серебряную трубочку, наполнила её смесью и опустилась на корточки. От неё пахло сухими травами, ни одну из которых венн не взялся бы назвать, а ещё – сыромятной кожей и пчёлами. Она улыбнулась Нелетучему Мышу, сидевшему на плече Волкодава. Зверёк на всякий случай развернул крылья, но любопытство пересилило. Он обнюхал протянутую руку и, во всяком случае, позволил прикоснуться к хозяину.

– Это действительно были очень скверные люди, и ты не мог знать, что нам не грозила опасность, – словно оправдывая Волкодава, проговорила странница. – Когда я скажу, отнимешь ладонь и приоткроешь рану, чтобы лекарство проникло внутрь. Сумеешь? Давай.

Пальцы ослабили хватку. На плече распахнулись мокрые красные губы. Полотняный рукав мигом промок до завязок. Волкодав мимолётно подсадовал о рубашке, испорченной в самом начале пути. Больше ни о чём подумать он просто не успел, потому что женщина резко и сильно дунула в свою трубку, и блестящее облачко залепило жадный рот раны.

Лучше бы она ткнула в него головнёй, выхваченной из костра.

Боль вгрызлась в кости и плоть, оборвала дыхание и, вышибая слёзы из глаз, заполнила всё тело от макушки до пяток. Волкодав ахнул и не двинулся с места, потому что дёргаться у лекаря под руками – самое последнее дело. Он уже решил, что эта боль – навсегда, но она постепенно затихла.

К венну неспешно вернулся дар слышать и понимать.

– ...Ласковый, – приговаривала странница. – Но я его берегу для тех, кому он нужней. Например, для рожениц.

Волкодав скосил глаза посмотреть, есть ли ещё у него левая рука, и увидел, что порошок запер кровь, покрыв рану тугой пузырчатой плёнкой. Лекарка поддела её ногтем. Корочка отвалилась вся целиком, оставив чистую плоть. Не тратя времени даром, женщина смазала рану пахучей липкой смолой. Наверное, это опять было больно, но обух той первой муки настолько добротнo оглушил тело, что Волкодав почти ничего не почувствовал. Смуглые пальцы в затейливых перстнях морщин свели разорванные железом края. Ему опять велено было держать, а в руках женщины появилась иголка.

Всякий зверь понимает, когда ему делают добро. Волкодав уже откуда-то знал: рана заживёт так надёжно и хорошо, как ей, в общем-то, не полагалось, и станет напоминать о себе лишь тоненьким белым швом, совсем незаметным зимой, когда с тела сходит загар.

Станница кончила возиться и умело перевязала плечо.

– Ты куда, малыш? – удивилась она, видя, что Волкодав начал вставать. Спросила так, словно имела на то полное право.

Не надеясь выговорить внятный ответ, Волкодав мотнул головой в сторону тропки.

В самом деле, только мести неупокоенных душ ему ещё не хватало.

Левая рука была бесполезна, но для того, чтобы оттащить подальше два тела и завалить их камнями, вполне хватило и правой. А то мало тяжёлых глыб он перетаскал там, куда эти двое так и не добрались.

Лекарка между тем склонилась над светловолосым.

Она мудра и многое ведаёт, закидывая на кучу последний валунок, сказал себе венн. Она доверчива и добра. Она слишком готова видеть добро в других, даже во мне. Такие не живут долго на свете, если у них нет защитника. Я пойду с этими людьми и провожу их до какого-нибудь поселения. Мои дела подождут.

Приметив неподалёку заплечный мешок, брошенный кем-то из разбойников, он распутал кожаные тесёмки и вытряхнул содержимое наземь.

Ему под ноги выкатилась деревянная, удивительно благородной формы чашка с костяной ложкой тонкой и красивой работы. Следом выпал ком мятого тряпья. Волкодав тронул его ногой, и из тряпья, звякнув, выпал серебряный браслет. Венн поднял его. По светлому обручу бежали резные изображения изменчивого лика Луны – от новолуния к полнолунию и обратно. Волкодав никогда прежде не видел таких, но был наслышан. Он развернул тряпье. Оно оказалось мужской рубашкой, смотанной в один ком со штанами. Именно смотанной – кое-как, второпях. Люди так не поступают с одеждой, купленной за деньги. И подавно – с вытканной дома. Волкодав присмотрелся. Крой одежды сильно отличался от саккаремского. А ещё на ткани темнели очень хорошо знакомые пятна. Кровь. Он принюхался. Чужая кровь была достаточно свежей.

Странница покинула костерок и вышла за ним к месту схватки. При луне она снова показалась ему девочкой. Она взяла у него браслет, повертела в руках и сокрушённо сказала:

– Эти несчастные заблудились на пути жизни ещё беспросветней, чем мне казалось вначале. Они подняли руку на жреца!

Или ограбили того, кто прежде них святого человека убил, добавил про себя Волкодав, но вслух ничего не сказал. Чего ради открывать рот, если в том нет крайней нужды.

– Эй, Айсуран! – обернувшись к костру, окликнула странница. – Тут не твоего мальчика одежда? Браслет жреческий?..

Венн запоздало сообразил, что жестоко покалеченный парень в самом деле – насколько за синяками удавалось распознать черты – мог сойти за белобрысого жителя Халисуна. А там, как известно, поклонялись Лунному Небу.

Во дела! Саккаремка наследного врага от разбойников берётся оборонять, по горам его на себе волочёт, как внука родного... Может, на свете что-то стряслось, а я и не знаю?

Вернувшись к костру, странница извлекла из перемётной сумы горшок и сняла с него крышку. Волкодав уловил тёплое дыхание подошедшего теста. Оторвав кусочек, женщина ловко скатала в ладонях колбаску и намотала на палочку. Потом ещё и ещё.

– Мои братья и сёстры служат Кан Милосердной, – сказала она, укрепляя палочки в камнях, чтобы хлебные завитки румянились над рдеющими углями. – Мы странствуем во имя нашей Богини, постигая мудрость и красоту мира. Мы смиренно помогаем всякому, кто нуждается в помощи. Люди называют меня Кан-Кендарат.

– О, так ты жрица, – сипло прошептал белобрысый. – Боги благословили эту тропу...

Он силился улыбнуться, но губы слушались плохо. В щёлочках заплывших глаз отражалась одна боль.

– Божественный смысл порой ускользает от смертных, – вздохнула мать Кендарат и покосилась через плечо туда, где смутно виднелась большая куча камней. – То, что кому-то – благословение, другому может показаться несчастьем... Ты ведь и сам носишь жреческий браслет, сын Лунного Неба?

От Волкодава не укрылось, с каким напряжённым вниманием горянка Айсуран смотрела на юношу, ожидая ответа. То, что мог произнести халисунец, почему-то очень много значило для неё. Волкодав и сам не отказался бы узнать, какая нелёгкая занесла чужеземного жреца в Саккарем, да ещё в подобную глушь. Он укорил себя за праздное любопытство. Ему ни малейшего дела не было ни до белобрысого, ни вообще до кого из этих людей. Он проводит их до ближайшего жилья и распрощается. Хватит уже и того, что помстившийся голос бросил его в чужую драку... притом зря, если верить этой... как её... Кан-Кендарат.

– Ношу, но не на руке, а лишь в сумке, поскольку у меня нет на него законного права, – по-прежнему шёпотом, останавливаясь передохнуть, выговорил халисунец. – Я всего лишь нерадивый сын пекаря... – Он шевельнул рукой с зажатым в ладони браслетом. – Госпожа, ты бросишь его в глубокое озеро, если Лан Лама унесёт Иригойена, младшего в роду Даари?

Айсуран вздрогнула и потянулась к нему, словно приготовившись защищать Иригойена от халисунского провожатого душ, вздумай тот прямо сейчас явиться перед ними в свете костра.

– Думается, Праведные Небеса твоей веры тебя всё-таки подождут, – поворачивая палочки другим боком, усмехнулась мать Кендарат. – Ну а ты, почтенная сестра моя? – обратилась она к горянке. – Можем ли мы как-то утолить нужду, выгнавшую тебя из-под крова?

Хлебные колбаски вовсю подрумянивались, испуская самый лучший, по мнению Волкодава, запах на свете. Нелетучий Мыш уже перебрался хозяину на колени и откровенно облизывался, жадно шевеля носом.

– Я ходила помолиться у святой могилы неподалёку, – тихо ответила Айсуран. – И мне даже показалось, что Богиня, Зрящая на Лозы, меня услышала...

– По ночным горам! – неодобрительно качнула головой Кан-Кендарат. – В одиночку! Должно быть, зря врут люди, будто в ваших краях не слишком спокойно?

Горянка улыбнулась:

– Сама ты не так ли странствуешь, почтенная госпожа?

– Милосердная Кан ограждает меня от опасностей, подстерегающих одинокого путника.

– Твоя Богиня могущественна, но и Заступница Саккарема умеет оградить Своё племя, – с достоинством ответила Айсуран. – Государь Менучер в самом деле ведёт бой с непокорными, так что многие боятся сюда заезжать. Однако мой народ никто не трогал даже во дни Последней войны. Эти горы – наш дом, а чего мне бояться у себя дома?

Волкодав опустил глаза. Где оно, такое место, где мужчина может спокойно отправиться в путь, доподлинно зная, что в его отсутствие избу не сожгут и не ограбят враги, где женщина, встретив в ночных горах чужого мужчину, радушно и безбоязненно говорит ему «здравствуй»?

Волкодав очень хотел бы там жить... Он даже думал когда-то, что его родной дом и был этим сокровенным, Богами оберегаемым местом. Все дети так думают, если только судьба к ним хоть сколько-нибудь справедлива. Теперь ему трудно было поверить, что подобный край существует где-нибудь на земле. И он помнил испуг в глазах Айсуран, когда та смотрела на него после схватки с разбойниками.

Кан-Кендарат поудобнее устроилась на подстилке:

– Удивительные вещи говоришь ты, сестра. Племя, осенённое равной благосклонностью шада Менучера и его заклятых врагов! Должно быть, вы, подобно виллам, обитаете в орлином гнезде, до которого просто никому не добраться? Или так страшно мстите за любую обиду, что с вами предпочитают не связываться?

К некоторому удивлению Волкодава, Айсуран рассмеялась:

– Всё куда проще, почтенная госпожа. Даже мергейты Гурцата Жестокого понимали вкус вина и его цену. Дело в том, что Богиня вырастила дивную лозу, дающую урожай только в нашей долине. Если увезти черенки, они примутся, зацветут и принесут ягоды, но у гроздьев будет совсем другой вкус. Это знают и нынешний государь, и молодой Тайлар Хум, предводитель бунтовщиков. Вздумай они обрушиться на нашу деревню – и кто год спустя поднесёт им напиток, вызревший под землёй, в запечатанных дзумах?

Злокозненный разум тотчас подсказал Волкодаву ответ. Другие виноградари, которых можно будет поселить в ваших опустевших домах. Такие же умелые, только более покорные. Вслух подобные вещи произносить, конечно, не стоило, да он и не собирался.

Не очень понятное, но мощное внутреннее чувство заставило его тотчас отодвинуть эти мысли прочь, словно они, даже не будучи произнесены, могли накликать беду...

Судя по выражению лица, мать Кендарат подумала примерно о том же. Но вместо того, чтобы пуститься в спор с Айсуран, она неожиданно повернулась к венну.

- Ну а ты, малыш? - спросила она. - Кого нам благодарить за спасение?

Теперь на Волкодава смотрели уже все. Даже приоткрывший один глаз халисунец. Венну сделалось отчётливо неудобно. Может быть, оттого, что в голосе жрицы внятно прозвучала насмешка. Пока он соображал, что могла значить эта насмешка и как вообще отвечать, не сорвавшись снова на свист, странница вдруг добавила:

- Только не говори мне, будто в Самоцветные горы шёл надсмотрщиком наниматься. Драться ты не умеешь.

После этого отвечать расхотелось совсем, и Волкодав промолчал. Если бы у костра сидели одни мужчины, он, пожалуй, просто поднялся бы и ушёл. Благо начал этот путь в одиночку, никому не обещал подмоги и сам не ждал подставленного плеча. В особенности на первых же шагах. Однако он успел решить про себя, что проводит женщин и беспомощного сына пекаря до ближайшего поселения. Поэтому Волкодав просто уставился в костёр и остался сидеть.

Хватит и того, что голоса этих людей, превращённые причудливым эхом в зов матери, помешали мне в последний раз оглянуться на далёкие зубцы и должным образом покинуть их мир. Кажется, непотребство уже начало выходить мне боком. Схватка, кончившаяся отнятием жизни, распоротое плечо, изгаженная рубаха... Чего ждать назавтра, если так дело пойдёт?

Жрица вытащила палочки из земли и стала раздавать хлебные колбаски товарищам по ночлегу. Когда дошла очередь до Волкодава, он, не поднимая глаз, молча помотал головой.

- Вот и мой Кинап такой же молчаливый, - сказала Айсуран. - Прямо слова не вытянешь.

- Молчаливый мужчина всё же лучше болтающего без умолку, - рассудила мать Кендарат.

И не стала больше предлагать ему угощение.

На другой день солнце, неторопливо выплывшее из-за плеча горы, застало всех четверых уже в пути. Иригойену пришлось сесть на осла. Парень пытался уверять, что вполне сможет шагать своими ногами, но куда ему было против двух заботливых женщин! Теперь они, негромко беседуя, шли у головы ослика. Волкодав, навьюченный перемётными сумами матери Кендарат, замыкал шествие. Жрица собиралась нести свою поклажу сама, но он просто вскинул котомки на здоровое плечо и пошёл. Страница удивлённо – и опять почему-то насмешливо – подняла брови. Потом улыбнулась Нелетучему Мышу, тотчас взявшемуся обнюхивать сумки. Покачала головой, словно в чём-то усомнившись... И перестала обращать внимание на венна с питомцем.

Дорога вилась по северному склону долины. Напротив высилась отвесная, местами даже и нависающая круча высотой никак не меньше версты. По ней длинной полосой розовых лохмотьев тянулось облако, подкрашенное рассветом. И через каждые полсотни шагов, исчезая в этих лохмотьях и вновь показываясь внизу, падала с выступа на выступ белая от пены пряжа ручьёв. Таких же, как тот, вдоль которого Волкодав шагал накануне. Где-то выше таяли под летним солнышком ледники, уже невидимые с дороги. Венн никогда прежде здесь не бывал, но ему рассказывали: дальше ручейков будет становиться всё больше. Когда они станут рекой, надо будет идти против течения – до самой Дымной Долины. Там потоки не падали сверху, а били из-под земли, рождая могучий Сиронг.

Волкодав собирался побывать в Дымной Долине.

Туда из равнинного Саккарема караванами прибывали богомольцы – поклониться чуду Богини. В месте, где бывает много разных людей, легко разузнать, как добраться до деревни, называвшейся Дар-Дзума, то есть Звонкий Кувшин...

А ведь я целый год обдумывал это путешествие. Вероятно, только затем, чтобы с самого начала всё пошло не по замыслу. Я с первых же шагов заложил крюк далеко в сторону. Да ещё и прислушиваюсь на ходу, как отзывается плечо на каждый из этих самых шагов...

Вот бы знать, это я сам такое беспрочее[1 - Беспрочее – человек, от которого не ждут никакого проку.]– или премудрые Боги испытывают меня, решая, достоин ли я Их помощи и водительства?..

Он вдруг подумал о том, а не были ли зарытые в землю кувшины, о которых рассказывала горянка, привезены из той самой деревни. Если так, значит всё к лучшему. Не придётся идти в Дымную Долину и говорить с чужими людьми. А плечо заживёт.

– Мы с Кинапом уже оставили позади молодость, но Богиня всё не улыбалась нашему ложу, – рассказывала Айсуран. – Люди помладше нас чаяли появления внуков, а мы никак не могли дождаться детей...

Не то чтобы мать Кендарат расспрашивала её. Просто жрецы любой веры очень хорошо умеют молчать. Как-то так, что сразу начинают казаться мудрыми и добрыми собеседниками, перед которыми хочется распахнуть душу.

– Потом моему мужу настал черёд отвозить вино в столицу, ко двору благородного Иль Харзака, отца солнцеликого Менучера, – продолжала словоохотливая Айсуран. – И я, конечно, отправилась вместе с ним, ведь не дело это – оставлять мужа без заботы и присмотра на целых пять месяцев! Ты согласна, почтенная?

Мать Кендарат улыбнулась.

– А ещё мне рассказывали о чудесах великого мельсинского храма, где под рукою Богини прозревают слепцы и бросают костыли хромоногие. Я понадеялась, что и мне может достаться частица Её благословения. Так случилось, что мой молчаливый Кинап свёл дружбу с главным поваром шада и стал советовать ему, какие блюда лучше подходят к нашим напиткам.

Уж не тот ли повар, подумалось Волкодаву, потом перечислял нам способы взбивания медовых яиц, пока мы лакомились рудничными крысами...

– Венценокосный Иль Харзак радовался новым лакомствам и присылал на поварню знаки своей милости... Так и вышло, что вместо нескольких седмиц мы с Кинапом провели в Мельсине целых два года. Муж мой днями пропадал на кухне дворца, я же запомнила каждый мостовой камень на улицах, что вели к храму. И добрая Богиня услышала мои молитвы. Обрато домой мы вернулись уже с доченькой – Итилет.

Итилет. Ясноокая. Какое славное имя...

– Воистину щедрую Богиню чтит саккаремский народ, – кивнула мать Кендарат. – Ваша небесная покровительница знает, как сделать, чтобы хижина стала дворцом.

– Святое слово ты молвишь, добрая госпожа. Наша Итилет выросла умницей и красавицей. Никто из имеющих дочерей не взыскан от милостей Богини больше, чем мы.

– Никто из имеющих дочерей... – медленно повторила мать Кендарат. – Поправь меня, добрая Айсуран, если я превратно толкую ваши законы. Верно ли говорят люди, будто в Саккареме нажитое родителями наследуют лишь сыновья?

И умереть, имея лишь дочерей, всё равно что умереть бездетным, добавил про себя Волкодав. По глубокому убеждению венна, это был не закон, а сущее беззаконие, отдававшее святотатством.

– Верно, – вздохнула горянка. – Поэтому-то я и ходила украшать святую могилу. Вымаливать у Богини ещё и сына значило бы самым недостойным образом испытывать Её благосклонность. И я дерзнула молиться лишь о добром муже для моей Итилет. О славном парне, не нашедшем доли в отчем краю. Он пришёл бы к нам и стал ей супругом, а нам в нашей старости – почтительным сыном...

На этом Волкодав перестал слушать. Он дойдёт до деревни, и, может быть, горцы не сочтут за бесчестье сказать ему, где обжигались их подземные дзумы. Сколько уйдёт времени на то, чтобы задать вопрос и услышать ответ? Седмица, ну, две, вряд ли больше. Вникать в речи женщины, мечтающей ввести в дом наследника, было всё равно без толку. И вообще здешние дела никоим образом его не касались.

Дорога в очередной раз повернула, огибая каменный выступ. Её не зря устроили на бессолнечной стороне. Здесь дольше держался снег, но и ручьёв, готовых размыть хрупкий след человеческого труда, было поменьше.

– А вот и Девичья Грудь! – вытянула руку горянка. – Она видна и у нас, но отсюда кажется ещё величавей. Смотрите, как её целует юный рассвет!

Волкодав вскинул глаза. Далеко на юге, вырастая из размытой пелены облаков, невесомо парили в воздухе два алых лепестка шиповника. Две почти одинаковые горы удивительно правильной формы розовели в свете нового дня.

Пещера. Дымный чад факелов. Крылатые тени, мечущиеся по стенам...

Рассвет в горах ласкает дальний склон,

Как новобрачный – наготу девичью... —

хрипит лежащий на полу человек.

Невольник по прозвищу Пёс стоит рядом с ним на коленях, упокоив его голову у себя на ладонях. Стоять так очень неудобно и больно, но Пёс не шевелится, потому что лежащий на полу умирает. А Пёс – пока ещё нет.

Сперва её ступни лобзает он,

Оставив каждодневные приличья...

Никто не знает, сколько лет стихотворцу. И какое имя он носил в далёкой иной жизни. Попав в рудники, он, по примеру большинства, взял себе какое-то прозвище, но даже оно со временем стёрлось, потому что его стали называть просто Певцом.

Он давно уже не работник. Последние полгода он встать-то не может без посторонней подмоги, какое там рубить или оттащить камень. Его давно сбросили бы в отвал, но рабы прячут немощного, и господин Гвалиор им в этом потворствует. Многие в рудничной жизни шло бы ещё хуже теперешнего, если бы не господин Гвалиор.

Вот-вот его ладони обожгут

Округлые предгория коленей,

А взор уже спешит туда, где ждут

Ущелья и таинственные тени...

Костлявая грудь Певца с хрипом поднимается и опадает, он с мучительным усилием выталкивает каждое слово. Третьего дня сорвавшийся камень ударил его по спине, как вначале показалось – совсем несильно. Однако вскоре он перестал чувствовать ноги. Постепенно онемение расползлось выше, грозя добраться до сердца. И вот уже мгновения жизни Певца капая в пустоту, словно вода с векового нароста на своде пещеры.

Вся слава мира скрыта в тесной мгле.

Творя свою священную работу,

Рассветный луч восходит по скале

К преддверию божественного грота...

Надсмотрщик Гвалиор стоит у входа в забой. Он с кем-то разговаривает, негромко, но уверенно и твёрдо, так, чтобы сразу было понятно: здесь всё присмотрено, всё идёт своим чередом.

У рудокопа по прозвищу Пёс на руках и ногах кандалы. Его считают опасным. Такая жутковатая слава не возникает на пустом месте, но сейчас по щекам Пса текут слёзы.

И наконец, как песня, в тишине

Уже звенят ликующие крики,

И гордо розовеют в вышине

Атласные нетронутые пики...

Чуть приподняв голову, Пёс встречается глазами с другим каторжником, сидящим подле умирающего. Люди тут грязны до такой степени, что не сразу удаётся разобрать цвет кожи, но всё-таки видно, что Певец сжимает руку чёрного, как сажа, мономатанца. У невольника, бывшего когда-то вождём народа сехаба, на лице страдание. Они с Псом понимают один другого без слов. Они ещё помнят, что рассвет в горах не восходит от подножий к вершинам, а, наоборот, спускается с пиков в долины. Певец же – забыл.

«Мхабр!.. – из последних сил хрипит умирающий. – Как тебе... песня?»

Он судорожно хватая ртом воздух. Дыхание, о котором человек задумываться-то не должен, превратилось для него в тяжкую работу. Скоро она станет непосильной. Совсем скоро. Как только рождение песни окончательно состоится и напряжение отпустит его.

Пёс и чернокожий вновь переглядываются. Третий раб в забое, безногий калека, изо всех сил стучит по неподатливому камню молотком, чтобы тот, кого не пускает сюда господин Гвалиор, слышал: работа идёт. И правда всё под присмотром...

«Ты сложил прекрасную песню, друг мой, – тихо произносит мономатанец. – Мы будем помнить её».

– В чём же чудо вина, столь пришедшегося по вкусу солнцеликому шаду? – спросила любознательная мать Кендарат. Подумала и добавила: – Надеюсь, ты понимаешь, почтенная, что мы не подсылы, явившиеся выведать сокровенные тайны твоего народа?

– О да, – весело кивнула Айсуран, и Волкодав понял, что эта славная женщина чувствует себя в полной безопасности в обществе двоих малознакомых мужчин и удивительной странницы, не нуждающейся в защите от лиходеев. Айсуран же продолжала: – Должно быть, всё врут люди, болтающие, будто семена цветного халисунского хлопка были тайно вывезены из страны в долблёном посохе путешествующего жреца...

Сказав так, она, кажется, запоздало спохватилась, не наговорила ли при Божьей страннице лишнего, но Кан-Кендарат расхохоталась, ничуть не обидевшись. И даже Иригойен попытался улыбнуться непослушными, распухшими губами.

– Иные, впрочем, утверждают, – выговорил он, – будто мешочек с чудесными семенами был спрятан в роскошном платье высокопоставленной блудницы...

Теперь смеялись все, кроме венна. Причина их веселья упорно ускользала от Волкодава, зато он вдруг понял, что именно показалось ему неправильным в чертах этого парня. При вполне халисунских светлых волосах и голубых – насколько удавалось разглядеть сквозь заплывшие щёлочки – глазах у него было лицо мономатанца. Выпуклые скулы, форма лба, широкие ноздри, рисунок

рта, излишне пухлого, на взгляд северянина... Влить бы в эту кожу глубокую медную черноту мибу или сехаба, получился бы благородный молодой вождь. Даже волосы не обязательно перекрашивать. Но черноте неоткуда было взяться, а без неё Иригойен выглядел неправильно и несуразно. Как тот рассвет, который напоследок восславил умиравший в подземелье Певец.

– Коли так, вы, полагаю, слышали, почтенные, – Айсуран обращалась уже к двоим собеседникам, – и о том, что дивные семена на чужбине плодоносили только белым волокном вместо пепельного, чёрного, золотого и красного. Похитители не смогли унести с собой ни тайны полива, ни умений потомственных земледельцев, холивших хлопковые поля!

Кан-Кендарат задумчиво кивнула:

– Стало быть, всё дело в вашем умении собирать виноград вблизи холодных вершин, где ему расти-то не полагалось бы?

– Предки наших предков, – стала рассказывать Айсуран, – те, что выстроили деревню, однажды искали заблудившуюся овцу... и увидели ещё выше в горах маленькую долину, надёжно укрытую от злого дыхания ледников, но распаханную солнцу. Праотец, чьё имя для нас священо, решил, что в долине можно посадить лозы, но не так, как это делают люди низин. Богиня внушила ему мысль выдолбить для каждой каменную колыбельку, в которой лоза свивала бы себе гнездо. Так и было сделано. Лозы охотно росли и сворачивались венками, прячась от холода на груди скал. Но как раз когда пришла пора убирать созревшие гроздья, духи горных льдов наслали заморозок и обратили ягоды в лёд. Ибо, в отличие от некоторых соседей, жертвующих духам льдов и потоков, – с законной гордостью добавила Айсуран, – мы молимся только Матери. Временами духи мстят нам за нашу верность.

Волкодаву рассказывали о призраках, сотканных из снежной крутящейся пелены. От их прикосновения чернеют листья и живая плоть обращается в лёд. Он увидел, как горестно покачала головой мать Кендарат. Видно, тоже представила, каково это – стоять над загубленными трудами нескольких лет жизни.

– Однако Праотец был мудр и не привык падать духом, – приосанившись, продолжала горянка. – Это избалованные благами жители равнин склонны

впадать в уныние по каждому пустяку, но нас не так-то просто вынудить опустить руки! Праотец велел сыновьям и внукам собрать заледеневшие гроздья и бросить их в давящую как есть. Получился сок, слаще которого люди не пробовали. Когда этот сок перебродил, выстоялся и набрал силу, родилось вино, розовое, как заря на Девичьей Грудь, и душистое, словно мёд горных пчёл. Оно дарует веселье, красноречие и отвагу и никогда не наказывает ничтожеством похмелья. Это – благословение Богини, которым мы взысканы среди всех творящих вино. Пусть-ка тот, кто ревнует к милости солнцеликого Менучера, сперва попробует не то что превзойти наш напиток, – хотя бы повторить!

Мать Кендарат задумчиво проговорила:

– Судя по тому, как свободно ты рассказываешь о том, что зиждит спокойствие и достаток вашего племени, добрая Айсуран, перенять подобное искусство может лишь имеющий золотые руки и чистое сердце. А такому человеку и подсылать снаряжать незачем, он сам уже обрёл своё счастливое ремесло.

Осень щедро принарядила низкорослые кустарниковые леса. Корявые берёзки оделись в золото и вдруг стали ничуть не плоше стройных красавиц из родных чащ Волкодава. Мох на скалах хранил изумрудную зелень, мелкие кустики между корнями берёзок вспыхнули какие закатным багрянцем, какие пурпуром. Лишайники кольцами расползались по скалам – чёрные, жёлтые, серые... Венн шёл по тропе, вбирая босыми ногами тепло нагретых последним солнцем камней, и думал о том, какая всё-таки счастливая страна Саккарем. Ведь если даже здесь, в скудных горах, люди гордились достатком, выращивали виноград, то что же делалось на изобильных равнинах, где никогда не покрывались льдом широкие неторопливые реки?.. Он попытался представить себе жизнь без морозных зим, на земле, которая, едва отдав урожай, снова принимается за свой род...

Всё так, но где-то на равнинах стоит деревня со звонким гончарным названием Дар-Дзума. Там делают лучшие на свете кувшины. А жители временами попадают в рабство за неведомо как скопившиеся долги. Почему?..

Вечером, когда стали ладить ночлег, Иригойен сам слез с ослика. Ноги еле держали его, но молодой халисунец отправился помогать Волкодаву собирать растопку для костра.

– А вот скажи мне, святой человек, – подошла к нему Айсуран. – Мы, горцы, тёмный народ, мало смыслящий в делах твоей веры. Иные у нас утверждают, будто избранники Лунного Неба водят жён и растят детей, другие же спорят, будто им оставлена лишь неземная любовь. Рассуди нас, святой человек, – за кем правда?

Насчёт тёмных и несмысленных горцев она приbedнялась, конечно. Бабушка Псица некогда объясняла маленькому внуку, звавшемуся в те времена просто Межамировым Щенком: так люди начинают разговор, чтобы собеседник почувствовал себя мудрым и знающим и охотнее дал волю словам.

– И те и те правы, почтенная Айсуран, – улыбнулся халисунец.

Волкодав поймал себя на том, что ему нравится улыбка этого парня, мягкая и немного застенчивая. Он видел такую у очень мужественных людей, не ломавшихся там, где, казалось, выстоять было невозможно.

– Когда-то, давным-давно, – продолжал Иригойен, – людям казалось, что посвятивший себя Лунному Небу должен отдаваться жреческому делу весь целиком: часть внутреннего жара, уделяемая приметам земной жизни, вроде дома и семьи, лишит его служение совершенства. Но потом ударил Камень-с-Небес, и там, где раньше жило сто человек, остался дрожать от холода едва ли десяток. В беде люди потянулись к жрецам за словом надежды и мудрости. Служители Лунного Неба стали кострами, у которых грелся народ. И тогда кто-то задумался: почему землекопы и свинопасы обильно продолжают себя в потомстве, а самым разумным и благим людям должно быть в этом отказано? Так может дойти до того, что народ утратит величие и уподобится запущенному стаду, которое постепенно мельчает и вместо драгоценного руна обрастает дикой щетиной. Обратились за советом к величайшим учителям веры... Так прежний обычай был оставлен прошлому. Ныне, почтенная Айсуран, наши жрецы берут себе жён, и люди ждут, чтобы от них родились толковые дети.

Горянка поблагодарила его и ушла очень довольная.

Иригойен выпрямился, держа в руке несколько сухих веток. Наверное, ему больно было двигаться, но он старался не показывать виду.

– А я, кажется, знаю, чему так радуется наша добрая Айсуран, – сказал он Волкодаву.

Тот молча смотрел на него, ожидая продолжения. Сын пекаря превратно истолковал его молчание и спросил:

– Друг мой, понимаешь ли ты речи, с которыми обращаются к тебе люди?..

Друг мой!.. Последний раз венна так называл человек, которого ему не суждено было забыть. Волкодав медленно кивнул.

– Она говорила, что ходила просить о женихе для своей дочери, – сказал Иригойен. – Надо полагать, милая Итилет украшена всеми достоинствами и добродетелями, каких ждут от юной хозяйки, но мужа со стороны ей найти всё равно трудно, ведь они тут, в горах, наверняка друг другу родственники на месяц пути. Вот мать и отправилась с подношениями к святой могиле... А потом, даже до деревни ещё не дойдя, встретила тебя и меня. И вдобавок настоящую жрицу. Пусть иной веры, но та всё равно может освятить свадьбу. Скажи, друг мой, готов ты остаться и прожить здесь всю жизнь до старости? Пестовать детей, мотыжить поле и долбить в скале гнёзда для виноградных лоз?..

Женщины хлопотали у нависающей скалы, месили тесто для хлебных колбасок и обсуждали, какую закваску лучше брать с собой в дорогу. Изюмную, хмелевую или на сыворотке. Волкодав чуть не хмыкнул. Он-то знал истину: закваска даже для пшеничного хлеба должна быть ржаной. И желательно старой. Потому что всякая иная – протухнет, погибнет... и попросту не даст вкусного хлеба.

Знать бы ещё, случится ли мне когда попробовать настоящего хлеба, потому что правильный хлеб на ржаной закваске пекут только на правом берегу Светыни, в западных чашах...

Волкодав вздрогнул и снова задумался о словах Иригойена. Потом выпрямился, с натугой вытаскивая из расселины целое засохшее деревце. Непогода вымыла землю из-под его корней, и деревце превратилось в сухую корягу. Оно не зазеленеет, даже если прямо сейчас посадить его в самый жирный чернозём и поливать по семь раз на дню. Боги, кажется, искушали Волкодава. Обнять прекрасную девушку, остаться в деревне искусников-виноделов, куда не суются враги... пустить корни...

В затылок потянуло холодным ветром. Он отрицательно покачал головой.

– Вот и я о том же, – вздохнул Иригойен. – Я пришёл сюда совсем за другим, да и ты, полагаю, странствуешь не без цели... Но что суть наши намерения перед всевышней волей Небес?.. Ты заметил – она даже на меня смотрит как на возможного зятя, а ведь я халисунец...

Вот ты и оставайся, подумал Волкодав. А мне незачем.

– Иригойен! – окликнула мать Кендарат. – Ты же у нас из семьи пекарей, верно? Иди сюда, рассудишь наш спор.

Волкодав сломал корягу о колено и пошёл следом.

Кан-Кендарат взяла у них собранный хворост, живо наломала тонких веточек... Она до того сноровисто и быстро зажгла огонь, что Волкодав даже не заметил взмаха кресала. Пламя будто само вспыхнуло под руками опытной странницы и сразу уверенно разгорелось. Волкодав подумал о том, что наверняка провозился бы дольше, и положил сверху свою корягу. Когда она развалилась, огонь фыркнул и взвился, и венн увидел в костре руины горящего дома. Это был очень большой дом. Целый замок.

Волкодаву очень не понравилось только место ночлега, облюбованное Айсуран: у слияния нешироких горных дорог. Дорога и так место достаточно скверное, сухопутная река, не принадлежащая берегам и текущая сквозь этот мир, струясь неизвестно откуда и неизвестно куда. И приплыть по этой реке может какое угодно зло. А тут – сливаются две, и на перекрёстке есть место, не принадлежащее даже дорогам. Омут, прорва, дыра! Лучше от неё держаться подальше!

Однако Айсуран явно понимала, что делает.

Волкодав вполне убедился в этом перед рассветом, когда его разбудили отзвуки голосов. Именно отзвуки, а не звуки. У него был острый слух, способный улавливать тонкие потрескивания и побряхтывания породы задолго до того, как своды и стены действительно начинали стонать, угрожая обвалом. Людям

кажется, что такой слух на грани нутряного чутья присущ скорее не человеку, а зверю. Может, люди не так уж и неправы.

Открыв глаза, венн увидел Нелетучего Мыша. Взобравшись на камень, искалеченный пещерный летун тоже смотрел в ту сторону, где Волкодав уловил далёкие голоса.

Что гораздо удивительней, туда, приподнявшись на локте, смотрела и Айсуран. Волкодав немного подумал и понял, что женщина не могла ничего слышать. Она просто ждала.

Вдалеке между тем не перекликались и не кричали. Там пели. Волкодав прислушался. Будить дорожных товарищей и спешно уводить их подальше от перекрёстка расхотелось почти сразу. Женский голос, сильный и чистый, выводил песенный лад. К нему присоединялся низкий мужской. Брал под крыло, бережно обнимал... и нёс к небу, навстречу первым проблескам солнца. И вот уже не один и не два голоса вели чудесную песню, а целый хор.

Невольники в рабском караване так не поют... Да и не ходили по здешним местам рабские караваны. Волкодав представил себе: вот шагают среди скал мужчина и женщина, они поют, смеются и держатся за руки, и оба прекрасны, потому что любимы, счастливы и уверены в своём счастье. А за ними, подпевая, шествует многочисленная родня. Взрослые несут в заплечных мешках одеяла и всякий скарб, подростки погоняют ослов, навьюченных большими корзинами, полными замёрзшего винограда. Скорее добраться к давилям, пока лёд не растаял!

Идёт ли среди сборщиков милая Итилет?.. Надела ли она крашеную одежду или вытащит её из сундука лишь тогда, когда дзумы будут наполнены и придёт время веселиться и праздновать окончание осенних трудов?.. Догадывается ли она, что по молитве матери Богиня привела к её порогу сразу двух женихов?

Нет. Только одного.

– Смотри, как насторожился твой зверёк, – сказала у него за спиной Айсуран. – Сюда идут наши сборщики. Скоро мы услышим их песню.

Шествие виноградарей оказалось точно таким, каким нарисовал его себе Волкодав. Только вместо осликов подростки вели длинношёрстных горных быков, нагруженных большими корзинами. Корзины были закутаны в меховые полсти[2 - Полсть - всякий плоский лоскут, плотный стёганный, войлочный или меховой, используемый на подстилку, занавесь или покрывало.] от солнечного тепла. Айсуран с молодой прытью бросилась к широкоплечему седоватому горцу, и венн решил, что это, верно, её немногословный Кинап. Мужчина действительно обнял её так, как обнимают только самых близких: прижал к себе, подхватил - и ноги Айсуран оторвались от земли. Потом они пошли рядом. Женщина, потянувшись к мужнину уху, стала что-то говорить. Вот Кинап быстро посмотрел сперва на Иригойена, потом на Волкодава. Тогда венн понял, о чём у супругов разговор.

Только, в отличие от жены, Кинап скорее выглядел озадаченным. Белоголовый сын наследных врагов - и бродяга с внешностью и повадками висельника. Очень неплохо...

От Волкодава не укрылось, что молодой халисунец тоже разглядывает окружившую их толпу, пытаясь угадать Итилет. Девушек среди горцев насчитывалось не меньше десятка. Все были прекрасны, но ни одна не подбежала к Айсуран, как подобало бы дочери. Волкодав нахмурился и накрыл ладонью Мыша, воинственно развернувшего крылья. Угадывать замыслы Богов - самое последнее дело. И в особенности если это чужие Боги. А уж Богини...

Иригойен порывался идти вместе со всеми. Получалось у него гораздо лучше, чем накануне, но скоро стало ясно, что за крепкими горцами ему не угнаться. Волкодав с матерью Кендарат снова посадили его на осла.

- Один весь в синяках, у другого, смотрю, плечо перевязано, - усмехаясь в густую бороду, проговорил подошедший Кинап. - Уж не различать ли их вам пришлось, женщины?

- Этого мирного странника зовут Иригойен из рода Даари, - ответила жрица. - Его привёл сюда обет, данный Лунному Небу. Бессовестные люди ограбили его, жестоко избили и бросили умирать. Твоя жена, достойный Кинап, увидела Иригойена и помогла добраться туда, где горел мой костёр. Однако разбойники заметили огонь и вернулись через ущелье, чтобы обогнуть нас. Тогда откуда-то

появился этот второй юноша...

Волкодав внутренне съёжился, ожидая, что Кан-Кендарат в очередной раз прокатит его по кочкам. Шёл, поди, в Самоцветные горы надсмотрщиком наниматься, а драться выучиться забыл. Полез, куда не просили. Поубивал зачем-то «несчастных», которых она и без него отвадила бы...

– Он встал на нашу защиту, и лиходеи перестали осквернять собой землю, – сказала мать Кендарат. – Правда, мы пока не слышали его голоса и не знаем, как его называть.

И хорошо, что не знаешь, подумалось венну. Сказал бы я тебе, как собирался: называй меня Волкодавом! – небось такого наслушался бы...

– А я было решил, что это моя неразумная жена своими россказнями о дочери до драки вас довела, – хмыкнул Кинап. Тем не менее он не выпускал Айсуран из объятий, и та льнула к нему, застенчиво пряча глаза, словно девочка, впервые оставшаяся с любимым наедине. – Не сердитесь на неё, почтенные чужеземцы.

– За что же сердиться? – улыбнулась Божья странница. – Всякая мать, имеющая дочку на выданье, любит о её достоинствах поговорить...

Горец помедлил, посмотрел на жену, потом снова на двоих молодых мужчин... и кивнул.

– Наша Итилет в самом деле красива, очень разумна и хозяйка что надо, – проговорил он медленно. – Когда она доит козу, разводит огонь и печёт хлеб, не зная и не догадаешься, что слепая.

Слепая!

Иригойен и Волкодав, не сговариваясь, уставились один на другого, и на сей раз венн увидел в глазах халисунца что-то вроде вызова. Стало быть, речь шла не о том, чтобы унаследовать виноградник, десяток овец и огород величиной со столешницу. Айсуран молилась Богине о защитнике и опоре для дочери, чья жизнь проходила в вечных потёмках. Такая проверка, способная отпугнуть корыстного или робкого человека, благородную душу лишь подстегнёт, даруя

желание оказаться достойным. И сын пекаря Даари был готов к спору.

Волкодав на вызов не ответил. Он стоял с таким деревянным лицом, словно этот разговор не имел к нему ни малейшего отношения.

Когда отец Итилет отвёл от него взгляд, венн воспринял явное разочарование Кинапа не совсем безразлично, только всё это уже не имело значения, потому что его намерение в отношении негоданных попутчиков было исполнено. Он проводил их хотя и не в деревню, но, во всяком случае, к её жителям. Среди виноградарей им уж точно не грозила никакая беда. А значит, Волкодав был свободен. Он мог хоть прямо сейчас потихоньку уйти в сторону от вереницы вьючных быков. Немного обождать за скалой... и без дальнейших задержек махнуть на прежнюю дорогу, с которой увела Айсуран. Туда, где в Дымной Долине гремят вспененные потоки и живут люди, способные направить меня дальше...

Пока Айсуран с Кинапом не решили, что их слепой дочери нужнее его свирепая сила, а не кроткое благочестие халисунца.

И пусть думают про него всё, что им угодно.

Когда слева открылась расселина, выглядевшая вполне проходимой, Волкодав придержал шаг. А потом, подгадав, чтобы в его сторону никто не смотрел, – шагнул за большой расколотый валун и покинул дорогу.

Сперва он шёл, перепрыгивая с берега на берег маленького ручейка. Скоро расселина превратилась в теснину. Пришлось лезть, то цепляясь за камни, то враспор, елозя спиной по вылизанной паводками скале. Лезть пришлось долго. К тому времени, когда, подтягиваясь и перебирая руками, венн одолел последний нависший уступ, выбрался на самый верх и сел передохнуть среди облетающих берёзок раза в два ниже тех, что росли у дороги, голоса и пение горцев сделались почти не слышны. Сборщики винограда ушли своей дорогой, прочь из его жизни.

Вот и ладно.

Волкодав огляделся. Стало ясно, что с направлением он не прогадал. Перевалить ближний хребет, вовсе не выглядевший неприступным. Потом, если повезёт, ещё вон тот и...

Он снова был один, и ему это нравилось. Это было правильно и хорошо. Так тому и следовало быть.

Нелетучий Мыш топтался у него на плече, нюхал воздух и беспокойно чирикал.

Волкодав посидел ещё немного, представляя себе, как уже нынешним вечером устроит ночлег за тем дальним хребтом. И никакая путешествующая жрица больше не будет изводить его насмешками и почему-то называть малышом. И горянка в серебряных украшениях не будет превозносить свою единственную дочь. И сын пекаря с лицом отстиранного в щёлоке[З - Щёлок – водный настой древесной золы, старинное средство для мытья и стирки.] мономатанца не будет шевелить губами, улыбаясь встающей над горами луне...

Человеку не дано по произволу избавляться от воспоминаний, не то бы он уже выкинул из памяти эту никчёмную встречу. Саккарем велик и разнообразен, но деревня у края гор, где день и ночь топят гончарные печи, в нём только одна...

На полпути до гребня Волкодав понял, отчего беспокоился Мыш. И отчего у него самого поселилась в душе смутная царапающая тревога. Такую тревогу производит крохотная заноза, не осязаемая пальцами и ещё не успевшая загноиться. Разуму невдомёк, а нутро уже поняло: пора иголку искать!

Волкодав потянул носом. Ветер нёс запах гари.

Очень слабый. Едва уловимый.

Жуткий и грозный, сулящий беду.

Так пахнет вчерашнее пожарище. Успевшее остыть, начавшее раскисать под ночным дождём...

Мальчик, которого никто никогда больше не назовёт Межамировым Щенком, лежит связанный в траве. Он смотрит, как редуют последние струйки дыма над огромной кучей прогоревших углей. Это всё, что осталось от большого общинного дома, где накануне шла дружная и хлопотливая жизнь. Серые завитки восходят к низкому небу, исчезая в облаках, метущих по вершинам сосен. Наверное, это улетают души людей, которые ещё вчера ходили, смеялись, готовили праздничные наряды, месили тесто для пирогов, о чём-то спорили под уютным вековым кровом. Если скосить глаза, можно разглядеть несколько тел на земле. Вот мокрой паклей торчит седая борода прадедушки. Его ударили копьём, пригвоздив к лавке, где он столько лет рассказывал малышам сказки и выслушивал их детские горести. Много ли надо столетнему старику? Должно быть, он умер сразу. Бабушка Псица, думая, что отец только ранен, всё-таки вытащила его из горящего дома. Она и теперь обнимает его, прикрывая собой. Мальчик видит край её понёвы, бесстыдно задранной выше колен.

Другие тела мало чем отличаются от обгорелого родового столба, поваленного чужими руками в огонь. Потомки словно бы слились со своим Предком в единую плоть, в единую память.

Отцовская кузница, где больше не поют весёлые молоты, стоит за ручьём, её отсюда не рассмотреть. Мамины волосы перепутались с травой по ту сторону общинного дома. Щенок не знает, удалось ли спрятаться хоть кому-то из младших братиков и сестрёнок.

Удачливые хищники, которых ни один язык не повернётся назвать победителями, бродят среди руин. Люди, предавшие тех, кто им доверял, ворошат головни, чтобы не пропустить чего-нибудь ценного. К связанному пленнику они не подходят. Особенно тот, который накануне от его руки по терял брата.

Щенок, навсегда отвыкший скулить, лежит молча и неподвижно.

Идёт дождь...

Уверенность Волкодава, что он действительно проводил двух женщин и покалеченного мужчину в людное и благополучное место, истаяла, как снег по весне. Ветерок, между прочим, тянул примерно с той стороны, куда

направлялись сборщики винограда. Венн принялся гадать про себя, что ещё могло породить страшный запах несчастья. Может, где-то неподалёку тлели под землёй залежи камня огнедца?.. Волкодав заново втянул воздух. Нет. Горящий огневец тоже тошнотворно воняет, но совершенно не так.

Ноги между тем уже почти бегом несли венна вдоль того самого гребня, который он недавно собирался перевалить не оглядываясь.

Впереди торчал высокий полуразрушенный гонец, называвшийся, кажется, Гнилым Зубом. Волкодав знал Большой, Средний и Южный Зубы... а теперь ещё и этот – Гнилой. Вот что получается, когда не удаётся должным образом обставить расставание с миром, который пытаешься покинуть. Оттуда непременно протянется рука. И схватит за шиворот.

Ступни венна давно уже стали нечувствительными к битому камню. Порождая на осыпях маленькие оползни, он обогнул гонец – и увидел обжитое урочище, о котором рассказывала Айсуран.

Серебряные пряди ручьёв густо тянулись по скалам, слева и справа обтекая человеческое жильё. Легко брать из них чистую талую воду и нести прямо домой, не спускаясь по крутым тропам в ущелье. Работящие предки выстроили деревню так, как испокон века строят в горах. Домики тесно лепились один к другому, карабкаясь вверх по древнему, плотно слежавшемуся крутому склону. Место было завидное. Не подберётся ни паводок, ни коварная лавина после обильного снегопада. Зато солнце, не скупясь, пригревает дворы, даже глухой зимой не покидая деревню, не прячась за нависающие вершины. А какая красота, должно быть, открывается с каждого порога солнечным утром вроде теперешнего! Куда ни глянь – величественные пики, то сверкающие серебром, то одетые в клубящиеся, сотканые из снега плащи...

Так оно наверняка и было – до вчерашнего дня. Теперь на месте половины домов виднелись развалины. Дерево в горах – материал дорогой, здесь в основном строят из камня, но даже в каменном доме находится удивительно много всего, способного гореть. Других жилищ огонь вроде бы не коснулся, однако от этого они выглядели не лучше. Двери, сорванные с петель, домашний скарб, раскиданный по дворам...

И тела. Неподвижные тела стариков и малолетних ребятишек, которых сборщики ледяных гроздьев, по обыкновению, безбоязненно оставили дома.

Их было необыкновенно отчётливо видно с дороги. Прозрачный горный воздух делает далёкое близким: на самом деле ещё идти и идти, а кажется – только протянуть руку.

Горцы, вышедшие из-за поворота, словно споткнулись, замерли и потрясённо умолкли, не в силах поверить увиденному.

В полуверсте над ними, у основания Гнилого Зуба, стоял Волкодав. И тоже смотрел на деревню.

Живой удалось обнаружить только одну старуху. Простоволосая, растерзанная, с залитым кровью лицом, несчастная бабка ползала вдоль забора, билась лбом оземь, всхлипывала и без конца бормотала:

– К роднику, к роднику, беги к роднику...

Поначалу Кинап решил, что его мать лишилась рассудка, но душа виноградаря была уже невосприимчива к этой новой боли. Он только что вытащил из-под рухнувшей кровли тело отца. Седая голова старика была сплющена в лепёшку, лицо стало неузнаваемым. Сын увидел лишь знакомую одежду и руку, плохо сросшуюся в запястье. То, что у матери с мясом вырвали из ушей серьги, выглядело наименьшим из несчастий.

Люди растерянно металась туда и сюда, плакали, пытались найти кто родителей, кто внука. Женщина голыми руками разбрасывала головни, под которыми виднелись тонкие косточки. Она выла, как собака на кладбище. Её муж, с белым застывшим лицом, силился приподнять заваленное землёй и камнями бревно. Волкодав с Иригойеном катили тележку, самую большую, какую смогли найти. Укладывали на одрину[4 - Одрина – здесь: телега для перевозки мертвых тел.] одно тело за другим и свозили на деревенскую площадь.

– Матерь Луна, – тихо повторял Иригойен. – Матерь Луна...

Ещё старик. Половину лица и левую руку до костей обглодал огонь. Девочка, так и не достигшая возраста, в котором юные соплеменницы Волкодава начинали дарить бусы парням. Какой-то урлак схватил её за волосы и безжалостно швырнул наземь. Беременная красавица, найденная за ворохом переломанных корзин. Нежное лицо ещё хранило выражение детской обиды. Она просилась собирать виноград, но муж и свёкор оставили её дома, сочтя, что пеший переход по горной дороге мог ей навредить. К её ладоням прилипла мука: женщина месила тесто. Сгружая очередное тело, Волкодав заметил, как кто-то принёс из развалин кошку, задохнувшуюся в дыму, и устроил неподвижный клубочек под рукой мёртвой хозяйки.

Ряд тел на маленькой площади делался всё длиннее. Чуть позже будет выбрано место, и уцелевшие выруют в каменистой земле одну могилу на всех.

В единую плоть, в единую память...

Что могли дети и старики противопоставить трём десяткам воинов, вооружённых копьями и мечами?.. Да не простых воинов, а «золотых» из особо натасканной стражи саккаремского шада?..

Когда они явились в деревню, злые и усталые после безуспешной погони за отрядом смутьянов, жители приняли их как добрых гостей. Расстелили чистые скатерти, выложили козий сыр, свежий хлеб, закололи баранов, предназначенных для своего пира. Ещё бы, ведь те и другие служили как-никак одному хозяину – солнцеликому Менучеру. «Золотые» охраняли его сон и покой, и, наверное, им время от времени тоже перепадало вина, рождавшегося в здешних горах. Видя подозрительность вооружённых пришельцев, мать Кинапа велела распечатать заветную дзуму и попотчевать «золотых» вином, сохранявшимся до внучкиной свадьбы. После двух седмиц впроголодь воины шада нетерпеливо рвали зубами полусырое мясо и глотали чудесное вино из больших кружек, как дешёвое кабацкое пойло.

Потом кто-то из них вознамерился отойти справить нужду... и обнаружил, что ноги стали чужими. И в ужасе заорал: «Отрави-и-или...»

Волкодав это понял частью по следам, частью со слов бабки, которой присутствие сына в какой-то мере вернуло способность думать и говорить.

– Жадность и страх, – дослушав до этого места, вздохнула мать Кендарат. – Вот всё зло этого мира.

Может, под конец расправы, уже выместив на деревне свой испуг и постыдную неудачу с бунтовщиками, шадские урлаки догадались, что на самом деле травить их никто здесь не собирался. Но это уже ничего не могло изменить.

Темноволосый подросток с рукой, застывшей на рукоятке серпа. Мальчишка пытался оборонить деда. Пастуший кобель с чужой кровью на морде. Он никогда не боялся ни разбойников, ни волков. Он и теперь не раздумывая бросился в битву, и только шестая стрела, пробившая сердце, остановила его. Мохнатого воина тоже привезли на площадь и положили к ногам убитых, чтобы почтить его верность.

Женщина с пустыми глазами ходила вдоль ряда тел, размеренно взмахивая полотенцем. Отяжелевшие мухи неохотно поднимались в воздух – и почти сразу возобновляли свой пир.

Айсуран металась по ступенчатым улочкам и звала дочь.

– Здешняя Богиня могущественна, – с надеждой проговорил Иригойен. – А вдруг Она сотворила чудо и девушка сумела спастись? Или, может, её увели ради её красоты?..

Волкодав пожал плечами и промолчал.

Потом они завернули за угол пустого хлева, откуда уже было слышно журчание родника, и нашли Итилет.

Почему-то они сразу поняли, что это была именно Итилет.

И ещё – хорошо, что первой её увидела не Айсуран.

Длинные, густые, волнистые чёрные волосы разметались по залитым кровью камням. Девушка смотрела в небо широко распахнутыми глазами, синезелёными, небывалыми даже для Саккарема, где рождалось много голубоглазых. Насильники бросили покрытое синяками тело в бесстыдной,

разломанной позе, но лицо почему-то осталось чистым и безмятежным, лишь поперёк горла тянулась узкая запёкшаяся полоска.

Иригойен с каким-то всхлипом рванул скатерть, которой они застелили одрину, и торопливо прикрыл посмертную наготу Итилет. Сын пекаря весь день держался так храбро, что Волкодав даже удивлялся про себя, но теперь парня затрясло. Он опустился на колени и попытался бережно поднять девушку на руки, и тогда оказалось, что голова у неё почти отсечена и держится лишь на тоненьком лоскутке плоти.

– Мать Луна, – застонал халисунец.

Волкодав нагнулся и поднял обоих. Вместе они уложили Итилет на скорбную тележку, постаравшись хоть как-то расправить исковерканные останки, и повезли на площадь.

Навстречу им, прорезая всеобщий плач, взвился страшный крик Айсуран.

И, словно в ответ, с другой стороны долины, оттуда, где змеилась по склону дорога, прозвучал рог.

Оооо-уууу, выводил рог.

Кинап, размечавший место для могилы, вздрогнул и обернулся, роняя верёвку.

Волкодав спохватился и понял, что перехватил лопату, словно копьё.

Недлинное такое копьё с тяжёлым наконечником и толстым древком. На крупного зверя.

О-у. О-у. О-уууу.

– Это мятежники, – проговорил кто-то, вновь избавив Волкодава от необходимости говорить вслух.

– Враги шада, – едва ли не впервые упустив почёт «солнцеликого», сказал другой мужчина. – Я слышал, их рога поют «Торгум, Торгум» в честь старшего Хума, замученного в мельсинской тюрьме.

Правду сказать, никакого облегчения в голосах горцев не было. Люди, ещё вчера мнившие себя в безопасности – мало ли кто с кем рассорился в далёкой столице, а вино небось любят все, – теперь готовы были ждать беду с любой стороны.

Кинап отряхнул руки и зашагал к дороге. Вечернее солнце ярко освещало полтора десятка всадников, выехавших из-за скал. Если как следует напрячь зрение, можно было рассмотреть даже маленькое знамя с изображением горного кота, распластавшегося в прыжке. Волкодав немного поразмыслил и двинулся за Кинапом. Просто на всякий случай. У горца было лицо человека, которому нечего осталось терять. Человека с таким взглядом лучше не покидать одного, особенно когда предстоит вести разговор и что-то решать. Пришибленный горем кажется потерянным и ко всему равнодушным, но это обманчивое впечатление. Нечаянное слово может стать каплей, которая ломает запруду, и человек наворотит дел.

Всадники выглядели запалёнными и усталыми, однако при всём том готовыми к немедленной схватке. Каждый – в кольчуге и со снаряжённым луком в налучи. Кони шли шагом, пофыркивали, тревожно нюхали воздух. Наверное, они всё поняли куда раньше и намного тоньше людей.

Кинап, сопровождаемый несколькими односельчанами, стоял у них на дороге. Он смотрел на молодого предводителя и молчал. И в самом деле, что он мог ему сказать? Благословить дорогу, которая его сюда привела? Так впору бы камнями навсегда её завалить, эту дорогу. Призвать благодатный дождь под ноги высокородному гостю?.. А стал бы этот дождь бешеным ливнем, смыл бы их всех в неворотимую сторону, что «золотых», что этих вот...

– Ты поклонился бы, козопас, – сипло, словно ему песок в горло набился, проговорил знаменосец. – А ну, пади перед комадаром!

Предводитель резко обернулся к товарищу, и тот пристыженно смолк. Названный комадаром расстегнул шлем, повесил его на луку седла, спрыгнул с серой кобылы и, тяжело хромя, подошёл к горцам. Рослый, дочерна прокалённый солнцем высокогорья, он выглядел едва ли не ровесником

Волкодаву, но высокое звание сидело на нём, как сшитая по мерке одежда. Ещё было видно, что он не первый день проводил в седле и в постоянной готовности к бою. Как многие знатные саккаремцы, он брил бороду и усы, но сейчас его лицо чуть не до глаз заросло щетиной, седой от въевшейся пыли.

Много ли в Саккареме таких молодых военачальников? Пожалуй, только один...

Он не стал спрашивать, что случилось в деревне и кто обидчики. И так было всё ясно. Он лишь скользнул взглядом по лицу Волкодава, ибо тот слишком уж отличался от местных, и негромко обратился к Кинапу:

– Друг мой... Мы только дадим отдых коням и сразу продолжим погоню. Скажет ли кто-нибудь, куда направлялись урлаки?

Кинап вздохнул и ответил:

– Моя мать могла что-то запомнить. Она рада будет рассказать тебе всё, что сумеет, господин Хум.

Люди комадара валились с ног от усталости, но, когда Тайлар Хум приказал всем рыть вместе с горцами могильную яму, ни один даже не заворчал. Может, потому, что предводитель, сбросив кольчугу, первым вытащил из седельной сумки складную походную лопату. Это притом, что одна нога у него еле сгибалась.

Твёрдая каменистая земля подавалась неохотно, но мужчины трудились с тем угрюмым упорством, которому мало что способно противостоять.

– А зол ты копать, – разогнувшись перевести дух, сказал Волкодаву молодой знаменосец по имени Найлик, тот, что пытался учить Кинапа почтительности. – Ты, малый, верно, нездешний?

Венну не хотелось с ним разговаривать, и он промолчал. Поняв, что не дожждётся ответа, Найлик передёрнул плечами, криво усмехнулся и вновь взялся за работу.

Когда из-за плеча горы выплыла Луна, уже немного ущербная, но по-прежнему яркая настолько, что по земле протянулись тени и стали различимы цвета, – к яме с рук на руки поплыли тела, закутанные в покрывала, скатерти и ковры. Большие тела и совсем маленькие. На родине Волкодава с похоронами повременили бы до третьего дня, но здесь держались иного обычая. Он заметил, как Тайлар Хум расправил добротный меховой плащ и постелил его на самое дно, чтобы замученным было хоть немного уютнее в их последнем жилище. Осиротевшие горянки больше не голосили, даже Айсуран, всё баюкавшая на коленях неподвижную дочь.

– Мать Луна... – неожиданно то ли простонал, то ли пропел Иригойен.

Оглянулся не только Волкодав. Слишком странно прозвучало здесь, в саккаремских горах, молитвенное пение халисунского жреца.

Мать Луна! Милосердия полон Твой лик!

Мать Луна! Отзовись на отчаянный крик!

Полно священству твердить нам о происках Тьмы:

Лучше взгляните, что люди творят над людьми!

Волкодав успел испугаться, что парню сейчас заткнут рот. Или, чего доброго, вовсе прибьют, обвинив в срамодействе над мёртвыми. Однако этого не произошло. И жители деревни, и воины мятежного комадара успели слишком многое узнать о жизни и смерти, чтобы, даже не выслушав, закидывать камнями человека, который вместе с ними отдавал последнюю честь мученикам. Ну да, он был халисунец и взывал не к Богине, а к Лунному Небу. И что с того? Среди «золотых», учинивших над деревней расправу, половина были наёмники – сегваны, нарлаки, даже мономатанцы. Но хватало и своих. Саккаремцев. Засыпавших в детстве под те же колыбельные. Обращавших молитвы к той же Богине.

Их принимали в деревне, как добрых гостей.

Платою стала резня стариков и детей.

В кровь превратились багряные струи вина...

Чем, как не кровью, искуплена будет вина?

Чёрное зло отольётся убийцам, дай срок,

Но не вернуть нам шагнувших за смертный порог...

Иригойен пел, плотно зажмурившись, по его щекам текли слёзы. Он протягивал руки к Луне. Волкодаву на миг показалось, будто он держит светильничек или свечку. Но нет, это лишь отблески лунного серебра играли на мокрых ладонях.

Юная дева доверчива к людям была.

Птицу на взлёте вот так подбивает стрела.

Веки смежила невеста, бледна и тиха...

Ей не порадовать мать, не обнять жениха!

Голос Иригойена окреп, обретая звучность и силу. Ту силу, от которой, как думают люди, даже Богам отворачиваться не с руки. Ветер, не проникавший в долину, нёс над серебряными вершинами прозрачные перья кружевных облаков. Свет луны колебался и мерцал, делаясь то ярче, то глуше...

Жизни в трудах не чурался почтенный старик.

Смерти как отдыха чаять давно он привык.

Путь свой окончить достойно и мирно хотел...

Вот он – в крови, среди груды поруганных тел.

Что же за нелюди, чья повернулась рука

Так оборвать предзакатные дни старика?

Рядом – жена, с нею прожил он семьдесят лет.

У очага их царили любовь и совет.

Мать Луна! Путеводным да будет Твой свет!..

Невесомые тени поднимались над разворошённой землёй, шествовали над скалами, над вечными снегами, над голубыми спинами ледников, – в небесную вышину, с которой улыбался им ласковый светоч....

Горестей мелких отбросив обыденный груз,

Да перейдут по мосту из серебряных бус!

Вольных грехов и невольных прости им вину.

Пусть ни единую не потревожат струну Тропки серебряной, вьющейся сквозь облака.

Пусть она будет спокойна, светла и легка.

Мы же, любуясь священным Твоим серебром,

Ныне ушедших помянем одним лишь добром...

* * *

Воинские люди умеют задавать вопросы и умеют слушать ответы. Волкодав лишний раз убедился в этом наутро, когда Тайлар Хум с Найликом взялись расспрашивать старую мать Кинапа. Он даже ощутил к молодому Найлику что-то вроде уважения. Вдвоём с предводителем они ни разу не вынудили бабку сосредоточить свою память на учинённых «золотыми» насилиях, подталкивая её внимание лишь к увиденному и услышанному ещё до попойки. Случайные имена, разрозненные обрывки речей... По ходу дела мятежный комадар с помощником лишь переглядывались и кивали один другому. Они всё больше казались венну двумя следопытами, разгадывающими запутанную цепочку следов. Сторонний человек и в толк не возьмёт, что за мелочь их привлекла: увядший листок, нарушенный мох, торчащая веточка... – а им уже ясно, что за зверь тут прошёл, и в какую сторону, и примерно где у него может быть лёжка.

Ещё Волкодав понял, что «золотые», говорившие о погоне за отрядом бунтовщиков, выдавали желаемое за действительное. На горных тропах шла безжалостная игра в кошки-мышки. Охотником в ней становился не тот, кому этого больше хотелось, а самый удачливый и сметливый.

Наконец Тайлар поблагодарил обессиленную старуху, низко поклонился ей и отошёл прочь.

– Я обещал тебе настигнуть урлаков, – потирая больную ногу, сказал он Кинапу. – Теперь, благодаря твоей почтенной матери, я сделаю это не с

маленьким отрядом, а со всем своим войском. Во имя Крови и Стали! Я так и предполагал, что сюда свернула полусотня Верлаха, отправленная по наши головы новым комадаром Байшугом!

– Он, верно, думал, что бросает против нас своих лучших людей, – усмехнулся Найлик. – Хвалёные «золотые» оказались годны только убивать беззащитных!

Собравшиеся горцы молча ждали продолжения. За их спинами сухо блестели глаза женщин, на расцарапанных в знак скорби щеках запеклась кровь.

– Раз они пошли на восток, – начал вслух рассуждать Тайлар, – значит комадар покинул Лурхаб и, скорее всего, сидит в полевой ставке у озера Трон...

Мужчины начали кивать. Кое-кто из них, подобно Кинапу, ездил даже в Мельсину, но большинство не выбиралось из дому дальше верхних пастбищ и заветного виноградника. Тем не менее люди знали, что у озера Трон с давних пор ставили стяг всевозможные завоеватели. Начиная с Цурсога Разрушителя во дни Последней войны. А может, даже и Разрушитель не первым там останавливался. Просто потому, что озёрная долина была единственным на много седмиц пути местом, пригодным для расположения войска, да ещё и лежала в самом сердце горной страны. Не зря же название озера значило «ключ».

– Байшуг неплохой воин, – проговорил Найлик. – Отваги ему не занимать. Только люди говорят, что шад возвысил его вовсе не за склонность к непроторённым путям...

– Мы возили вино достойному Иль Харзаку, – хрипло прозвучал голос Кинапа. – А потом – его никчёмному сыну. Мы думали, нет разницы, кто сидит на высоком престоле, ведь золото от этого не оборачивается опавшей листвой. Мы думали – где столица, а где наша деревня... – Он вздохнул, тяжело скрипнул зубами, сглотнул и договорил: – Ты тут клялся Кровью и Сталью... Пойдёшь отбирать Ключ у Байшуга, возьми с собой мою кровь и мою сталь...

– И мою, – поддержало сразу несколько голосов.

– И мою!

– И мою!

Вскочили даже две девушки, и матери не стали взывать к их стыду.

– Нет, – глядя на Кинапа, зарычал Волкодав.

На звук незнакомого голоса обернулись почти все. Мать Кендарат удивлённо подняла брови.

– Ты, добрый человек, здесь сторонний... – начал было Кинап, но Волкодав упрямо мотнул головой:

– Не сули, чего не имеешь. – Слова очень трудно давались ему. – Кровь свою ты прольёшь, да. А стали у тебя нет. Ты не воин. – По его мнению, Кинап должен был уже всё понять, но тот явно не понимал, и венн, переведя дух, мрачно закончил: – Я не сторонний. Ты хотел меня для Итилет. Пусть твоя жена благословит меня мстить.

Иригойен подошёл к нему, встал рядом и поправил:

– Нас.

– Скоро зима, – словно подслушав мысли венна, проговорила Кан-Кендарат. – У тебя, Кинап, половина домов без крыш, а остальные сгорели.

– Ваше горе взывает к отмщению, но чужеземец прав: вы сумеете только присоединиться к своим павшим у престола Богини, – сказал Тайлар Хум. – Мы, воины, нужны Саккарему лишь в дни беды, а мирные труженики будут нужны всегда... Внуки проклянут моё имя, если я отправлю на гибель тех, кого должен был защитить. Пусть с нами пойдут эти двое и ещё десяток юношей, лучше других умеющих держать в руках луки. И пусть они будут не единственными сыновьями у матерей. А ты, старейшина Кинап, замешивай известь и восстанавливай съестные припасы, пока холод не спустился с вершин.

Владыка Менучер мог назначить главным воинским начальником севера хоть Байшуга, хоть кого угодно другого, но тут стало ясно, что мятежники правильно делали, по-прежнему называя разжалованного Хума своим комадаром. Он

говорил ровным голосом, негромко и очень спокойно, но у бородатых мужчин вдвое старше Тайлара как-то сразу пропало желание перечить ему. Людям свойственно чувствовать, где дарёная власть, а где настоящая.

Всё же на лице Кинапа читались неутолённая боль и скрученная узлом гордость отца и мужчины. Может, он вправду взялся бы спорить, но в это время вперёд вышла Айсуран. Иригойен с Волкодавом сразу опустили перед ней на колени.

– Матушка Айсуран, ты заново подарила мне жизнь, – сказал халисунец. – Если бы я не пригодился Итилет в женихи, я звал бы её сестрой.

Волкодав ничего не сказал, он просто наконец понял, откуда долетел к нему голос матери на той горной тропе.

Айсуран обняла их обоих, поцеловала каждого в лоб и заплакала.

И снова вилась по склону ущелья узенькая полоска дороги, зажатая между двух круч: слева скалы уносились вверх, справа – вниз, туда, где гремела невидимая с дороги река. Река текла на восток, к озеру Трон. У жителя низинных болот закружилась бы голова, но по утёсам уже не сбегали ручьи, рождённые ледниковой каплей. Да и противоположный склон больше не хотелось измерять отвесными вёрстами. Воздух постепенно утрачивал хрустальную прозрачность, обретая влажную голубизну, позволяющую верней оценивать расстояния.

Маленький отряд, пришедший из разорённой деревни, растворился в людском скопище. Молодые горцы, непривычные к многолюдью, слегка робели и невольно жались друг к дружке. Их ещё не поставили ни в один из отрядов. Они так и шли вместе с Иригойеном, Волкодавом и матерью Кендарат, ехавшей на своём ослике.

«Странствующей жрице никто не указ, кроме Богини, – сказал ей Тайлар Хум. – Но не лучше ли было бы тебе остаться, служительница милосердной Кан? Этим людям пригодится твоё слово...»

«Ты прав, я могла бы им послужить, – кивнула она. – Однако я думаю, что их лучше всяких слов исцелят отстроенные дома и супружеские объятия, призванные посрамлять смерть. А у тебя, комадар, гноится колено, и я не вижу среди твоих спутников толкового лекаря. Если так и будешь выдавливать язву, останешься без ноги...»

Волкодав, которому она уже вытащила из плеча нитки, понял, что ко времени сражения с Байшугом Тайлар успеет позабыть про нынешние боль и озноб.

– А вот скажи мне, сын пекаря Даари, – обратилась Кан-Кендарат к бодро шагавшему халисунцу. – Ты носишь с собой чашу и браслет, но всё время отпираешься, когда тебя называют жрецом. А как запоёшь – в любом храме заслушались бы...

– Люди говорят, шад Менучер тоже песни слагает, – встрял проезжавший мимо Найлик. – Только не во славу Богини, а всё больше о горестях сердца.

– Наверно, наложницы стали с ним неприветливы, – отозвался другой всадник.

Воины засмеялись.

– Зато его сестрица, говорят, куда как приветлива... – весело заметил Найлик.

Хохот стал пуще. Легенды о развесёлых похождениях прекрасной шаддаат ходили по всему Саккарему.

– А я слышала, Дильбэр раскрывает объятия мужчинам больше для того, чтобы досадить брату, – ровным голосом произнесла мать Кендарат. – Людям кажется, что из чресл благородного Иль Харзака произошли два очень несхожих ростка. И ещё, что именно ей следовало бы родиться женщиной и взойти на Золотой Трон. Тогда Саккарем по-прежнему называли бы счастливой страной.

Найлик что-то проворчал и толкнул пятками коня, а жрица снова обратилась к Иригойену:

– Значит, это ты, лепёшки разделявая, выучился так петь?

– Я не... – привычно начал Иригойен. Осёкся и покраснел. – Мой прадед, переселенец из Мванааке, – сказал он затем, – выпекал булочки, которых не могли превзойти на состязаниях мастеров. Мой дед зашиб хлебной лопатой подсыла, пришедшего за тайной диких трав, дававших его пряникам непревзойдённый запах и цвет. Мой отец переехал в Гарната-кат...

Волкодава не особенно занимал этот разговор, но тут он наострил уши. Парень, родившийся в халисунской столице, мог оказаться небесполезен.

– ...И угостил сборщиков податей маковыми кренделями, после чего те предложили заплатить за него из своих кошельков, только чтобы он иногда присылал им кренделей. Вот таков, госпожа, род Даари, в котором навряд ли будут гордиться нынешним сыном. Меня учили выбирать нужное масло и сохранять дрожжи, а я, нерадивый, рвался только петь славу Лунному Небу. Я мечтал надеть синее облачение, расшитое серебром...

– Кое-кто сказал бы на это, что слагать гимны можно и у печи, – покачала седой головой мать Кендарат. – А служение усматривать в том, чтобы люди не уходили с твоего порога голодными. Я видела разные народы, и, кажется, только островные сегваны не считают рождение хлеба святым делом, но и то потому лишь, что вместо хлеба у них в ходу ячменное пиво. Зачем тебе понадобилось идти поперёк обычая своей семьи и бросать такой благой промысел?

– Я пытался, – смиренно опустил глаза Иригойен. – Но ты же согласишься, почтенная, что сделаться настоящим мастером и оставить свой след можно только в том ремесле, которому безраздельно посвятишь душу. Мой прадед едва по миру не пошёл, но сложил печи из особого камня, не выпускающего тепло из горнила. И я сам помню, как дед целый год обхаживал галирадского купца, только чтобы тот привёз ему тамошних пряничных досок с изображением диковинных рыб.

Волкодав чуть не фыркнул. Диковинные рыбы были всего-навсего осетрами. Галирадцы вырезали их на липовых досках, что поставляли им венны.

– Мой отец, – продолжал Иригойен, – вскакивал среди ночи, зажигал свечу и принимался рисовать столы с поддонами для битого льда. А потом неделю ругался с камнерезами и поил их вином, чтобы они сделали ему обычную скалку, только гранитную, да выгладили хорошенько. С этой скалкой он три дня не

отходил от новых столов, не ел и не спал, так что мать страшилась за его рассудок... но на четвёртое утро испёк слоёные пирожки, которыми самому государю не грех было поклониться.

Волкодав живо представил себе запах и вкус тех пирожков, и в животе заурчало.

– Я был тогда мал годами, но помню, как светились у него глаза, – вздохнул Иригойен. – Я чувствовал, что должен пробудить такой же свет в себе самом, но не мог. Меня не называли ни лентяем, ни неумехой, я обещал стать неплохим хлебопёком, но не вдохновенным мастером, как мои предки, а всего лишь тенью в очереди пекарей Даари. В нашем промысле мне был отмерен предел, и я понимал, что всю жизнь буду биться об этот предел. Словно курица, вздумавшая летать. А в жреческом деле я не чувствовал над собой непреодолимого свода. Я хотел летать, как они...

И халисунец, задрав голову, посмотрел в синюю бездну, где за облаками скользили тени орлов.

Волкодав задумался о смысле его речей. К Межамиру Снегирию приезжали за месяц пути, чтобы заказать то узорные светцы для палат, то хитрые замки для купеческих сундуков, а когда и воинский меч. И вот в кузнице поднимался дым коромыслом, словно там махал молотом сам Бог Грозы, и задорно гудел голос отца, и было весело и жутковато, и захватывало дух от близости тайн, и мама только поспевала кормить мужа с помощниками, и вся деревенская ребятня липла к кузнице – не отгонишь! И русоголовый мальчонка гордо подавал то напильник, то клещи, и мастерил в углу что-то своё, и уворачивался от маминых рук с полотенцем, потому что сажа на щеках казалась ему святым знаком причастности, как клеймо с лапой Предка в день Посвящения. И Межамир тоже не называл своего старшего Щенка ни лодырем, ни белоручкой... Только это было давно. Волкодав по сию пору мог столкнуться с любым замком и запором, мог, как отец, завязать узлом и наново распрямить кочергу... Но и всё. Он знал, что уже не встанет к наковальне и его молот не отзовется отцовскому, умолкшему навсегда. Не запоёт тайных песен, требующих, как и звон угольков в пекарной печи, особого слуха...

А ещё у нас обитал в общинном доме пришлый человек, дедушка Астин Дволфир. Только это было не имя его, а прозвище, означавшее просто «Ученик Близнецов». Он был жрецом, славившим Богов своей веры...

– У Праведных Небес свой замысел на каждого человека, – разогнал его мысли голос матери Кендарат. – Я вот с юности жила во славу Кан Милосердной и мечтала утверждать Её правду посохом странствий, выискивая среди далёких племён крылатые души, способные воспарить к истине. Однако мой народ верит, что путешать до конца дней можно лишь после того, как поставишь на ноги внуков. Раньше этот закон казался мне тягостной цепью, но с годами я поняла: сперва отдай долги родившим тебя, наживи собственной мудрости и сумей не растерять жара в душе, а без этого нечего и в дорогу пускаться. Может, и у вас есть обычай, требующий сперва утвердить себя в жизни и в каком-нибудь мирском промысле?

Иригойен подумал и ответил:

– Если верить ветхим книгам, что я однажды нашёл на чердаке храма, нечто подобное водилось у нас задолго до падения Камня. Тогда мы кочевали в степи, находя дорогу по звёздам. Как я понял, в то время избранниками Лунного Неба признавались бодрые разумом старики, уже завершившие дневные дела и вознаграждённые любовью людей. Потом первые шулхады стали строить по берегам Гарнаты города и богатые храмы. Тогда людям явил себя учитель веры, достигший старческого совершенства уже в молодые года. Его звали Сэднику... позже это имя стало у нас нарицательным для жреца. Говорят, дикие птицы клевали крошки у него прямо из рук. Он никогда не обнимал женщину, потому что женщина ничего не могла добавить к его совершенству, и его мудрость не была плодом, вызревшим на ветке долгой жизни: его устами с младенчества вещало Лунное Небо. Удивительно ли, что Сэднику сперва взашей выгоняли из храмов, а потом начали ему подражать, и этот обычай держался до эпохи холода и отчаяния. Теперь сыновья жрецов всего чаще служат в храмах вместе с отцами, после чего занимают их место, ведь они наследники тех, что когда-то становились для людей кострами в ночи.

Мать Кендарат слезла с ослика и повела его в поводу, чтобы размять ноги.

– В молодости я могла шагать сутками напролёт... А теперь! – пожаловалась она. – Что бы я только делала без тебя, Серый!

Мягкая мордочка тотчас ткнулась ей в ладонь. Счастлив тот, чей питомец так доверчиво ищет хозяйскую руку, подумалось Волкодаву.

Божья странница между тем всё не отставала от халисунца:

– Так тебя отправили обратно к хлебным печам из-за того, что ты не сын жреца?

– Нет, конечно. – Иригойен грустно улыбнулся. – Мой отец в конце концов согласился меня отпустить, видя, что я слагаю гимны всё-таки охотнее, чем пеку винные бабы. Он даже дал мне денег, потому что никто не может стать учеником жреца, не пожертвовав на украшение храма... – Молодой халисунец вздохнул, помолчал и продолжил: – Я со всех ног побежал к своему сэднику, держа в руках кошелёк, но судьбе было угодно, чтобы кратчайший путь к храму пролёг через невольничий торг. Там как раз приковывали к общей цепи рабов, купленных в Самоцветные горы. Хозяин каравана бывал у нас в доме, и я подошёл к нему поздороваться. Почтенный Ксоо как раз беседовал с двоими чужестранцами в выцветших походных одеждах: правый рукав красный, левый – зелёный. Они хотели идти вместе с караваном, под защитой вооружённых надсмотрщиков. «Мы творим подвиг ради Богов», – сказал один из них. «Мы ищем единоверцев, – сказала второй. – И выкупаем их из неволи». – «Да чем же вы заплатите хозяевам рудников? – рассмеялся торговец. – У них в сокровищнице рубины побольше ваших голов и каменные деревья, сочащиеся янтарём...» Что ответили ему чужестранцы, я уже не слышал, потому что кругом меня всё расплылось, как ватрушка в непрогретой печи. Я впервые подумал, что в Самоцветных горах надрываются и гибнут чтящие Лунное Небо. А в нашем храме весь свод выложен был синими плитками, и каждая стоила больше, чем отцу удавалось выручить за день. И между плитками сияли звёзды, выполненные из самого чистого серебра, Луну же представлял золотой диск, ценный не столько золотом, сколько дивной чеканкой, запечатлевшей каждую крапинку и морщинку Её лика...

– Самоцветные горы воистину называют язвой и посрамлением этого мира, – тихо проговорила мать Кендарат. – Людей затягивает туда, как в бездонную прорву, на муки и смерть. Многим кажется, что лучше сразу на виселицу, чем попасть в такой караван.

Волкодав молча смотрел себе под ноги. Лицо у него было деревянное.

– В тот день я до храма так и не дошёл, – сказал Иригойен. – Я вспоминал отчаяние в глазах кандалников, и священство, к которому я так стремился примкнуть, всё больше казалось мне ленивым, сытым и самодовольным. Как они не поймут, что Мать с радостью продаст несколько бусин со Своего платья, дабы

спасти сыновей? Я стал пропадать на торгу, разведывая, сколько стоят рабы и слышал ли кто-то о выкупленных. Потом набрался духу и обратился к учителям...

– Могу себе представить... – пробормотала мать Кен дарат.

Иригойен кивнул:

– Ты всё верно поняла, госпожа. Мне сказали: грех роптать на звёздные свитки, испещрённые непостижимыми письменами судеб. Уж не вздумал ли ты печься о правнуках тех, кого некогда повергло оружие Халисуна? И потом, сэднику не распоряжаются храмовыми сокровищами, они лишь хранят их по воле дарителей, будь то бедная вдова или полководец, взявший добычу. Если эти богатства и будут однажды пущены в оборот, то по знамению Лунного Неба, а не по воле дурного юнца, возжелавшего себе славы.

Переспорить жреца, подумал Волкодав. Когда речь шла о безнадёжной затее, сегваны предлагали вычерпать море, венны – натаскать воды решетом, арранты – переспорить жреца.

– Но когда я вышел оттуда, чувствуя себя циновкой на пороге отхожего места, – продолжал Иригойен, – ко мне подошла женщина с медной серьгой домашней рабыни. «У меня есть сын, добрый мальчик, никому не делавший зла, – сказала она. – Нашему милостивому господину было угодно продать его в рудники, куда отправляют разбойников и убийц. Вот, я скопила немного денег, не знаю, хватит ли их...» Я добавил её горстку монет к тем, что дал мне отец, но заплатить караванщику не смог всё равно. Тогда я пошёл сам по себе. – Иригойен покаянно развёл руками и улыбнулся. – Когда подоспели разбойники, отнимать у меня было почти нечего.

Волкодаву сразу захотелось узнать имя сына рабыни, проданного в халисунской столице, но он не знал, как об этом спросить, и так ничего и не сказал. Ладно, успеется. Битва, в которой его или Иригойена вполне могут убить, произойдёт ещё не сегодня.

Волкодав почти уже решил, что Тайлар Хум, занятый делами целого войска, подзабыл о десятке деревенских стрелков, однако ошибся. У справногo полководца вся рать действует как единое тело. Правая рука, левая рука, ноги,

уши, глаза. И сердце, знающее, где сейчас каждый его палец. И на что этот палец способен.

До озера Трон оставалось два дневных перехода. Волкодав кормил Мыша остатками хлеба, когда к матери Кендарат, седлавшей своего ослика, подбежал гонец.

– Госпожа, – поклонился он женщине. – Вот слово комадара. Он хочет, чтобы ты встала среди лекарей и возвращала в свиток жизни имена тех, кого поразит оружие недругов.

Все гонцы у Тайлара были одинаковые, как братья. Невысокие, очень смуглые, жилистые и в неизменных ярко-красных рубашках. Чем и кому досадил маленький захолустный народец имури, никто толком не знал, но прежний, ещё до Хума, северный комадар лет десять вёл сущую охоту на быстроногое племя. Темнокожих горцев выслеживали и убивали, как диких зверей. Тайлар, вступив в должность, сразу прекратил облавы и самолично перевешал особо рьяных любителей украшать конскую сбрую ярко-красными клочьями. За это благодарные имури стали его вестниками. Злые языки утверждали, что почти чёрной кожей и своеобразным языком наградил своих потомков отряд находников-меорэ, двести лет назад заблудившийся в диких горах. Имури обижались и доказывали, будто, наоборот, хранят самую древнюю кровь среди всех племён Саккарема. Они держали только вьючных лошадок и считали для себя зазорным садиться в седло, зато играючи пробегали по пятьдесят вёрст. А если требовалось, могли не останавливаться двое суток. Волкодав, пожалуй, тоже так смог бы, только под конец он, скорее всего, от изнеможения и не вспомнил бы, зачем его посылали. Имури не забывали ничего. И никогда.

– И продолжением твоих рук пусть станет сын Даари из Халисуна, – добавил гонец.

– Я... – начал было Иригойен, но поймал взгляд венна, покраснел и умолк.

Он просил у Айсуран благословения для мести и хотел в бой. Ну да, много пользы было бы от него в боевом строю. Примерно как против тех урлаков на горной тропе.

– Десять стрелков из деревни мучеников пусть найдут сотника Горных Призраков по имени Росомаха.

Молодые горцы, напряжённо ожидавшие слова командара, оживились, стали шушукаться, кто-то заулыбался. Все знали Росомаху. И его ползунов по скалам, незримо и беззвучно возникавших за спиной у врага. Когда их называли героями, Призраки отшучивались и говорили, что завидуют мужеству обычных копейщиков, ведь в начале битвы те первыми встречают удар.

Босоногий вестник огляделся по сторонам. Между прочим, он был совершенно седым, а лицо покрывала густая сетка морщин, но в худом теле жила юношеская лёгкость. По обычаю своего народа он не носил штанов, лишь набедренную повязку. Белую и на удивление чистую.

– Человек с севера пусть получит копьё у Фербака, сотника правой руки.

Добродушного верзилу Фербака, бывшего землепашца, тоже знало всё войско. Волкодав кивнул, посадил Нелетучего Мыша на плечо и поднялся.

Имури уже скользил прочь семенящей, обманчивонеторопливой рысцой. Венн смотрел ему вслед, гадая про себя, на что Тайлар Хум позволяет своим гонцам бегать в таких заметных рубашках. На что, если уж так рассуждать, имури, годами вынужденные скрываться, вообще их носят.

– Спасибо хоть не к тыльникам, лепёшки печь... – криво улыбаясь, вздохнул Иригойен.

– И что? – прищурилась Кан-Кендарат. – Много ратники навоюют, если тыльники лепёшек с гороховой похлёбкой не наготовят?

Коли во всём полагаешься на себя, иди к цели один и будь сам себе головой. А прибился к войску – и о том, править тебе боевой колесницей или колёса для неё чинить, оставь решать воеводам. В одиночку Иригойен уже повоевал.

Ещё Волкодав не отказался бы спросить бегуна, верно ли бают люди, что его народ ведут женщины. Но имури был уже далеко.

Ни в одном языке, известном Волкодаву, слово «ключ» не звучало величественно и красиво. Да с чего бы, если подумать? Ключ небось не стол и не ложка, изначально важные в человеческой судьбе. Люди придумали ключи, когда настала пора запираить от чужой жадности двери и сундуки. И названием стало простое слово, обиходное и обыденное. В одних языках – звонкое, в других скрипучее. Несущее отзвук негромкого металлического щелчка. Саккаремский «трон» стоял сам по себе. Гудящий зов рога, слившийся с собственным эхом, чуть искажённым высокими скальными стенами. Гордый, торжественный и тревожный. Увлекающий душу к чему-то светлому и большому, прочь от мелких дрызг и обид этого мира...

Вода в озере Трон была бирюзовая. Горы вокруг казались царями былых времён, сошедшимися на совет. Изумрудные плащи и золотые короны, сквозь которые проглядывали седые макушки. Роскошные мантии были затканы зеленью уже не кустарниковых, а красных высокоствольных лесов. Среди валунов, спеша к озеру, вели нескончаемую беседу речушки.

В долине было тепло. Конечно, не так, как на равнинах, но дыхание зимы, кутавшей в белые одеяла один перевал за другим, сюда ещё не добралось. И было не так уж трудно понять, о чём грустили, стоя над озером, цари-великаны. Если Волкодав что-нибудь понимал, здесь уже могли плодоносить яблони и орешник. На бирюзовой воде легко было представить лодки, а за лукой дальнего берега, вдоль речки, – деревню с водяной мельницей. Уходит за холмы солнце, над тихой гладью далеко разносятся песни, детский смех, рокот неторопливых жерновов. И конечно, удары кузнечного молота...

Беда только, в долине Трона люди никогда не селились. Они тут сражались и умирали.

Вот и сегодня на том берегу шумел, дымил и стучал молотками вражеский лагерь. Ставка комадара Байшуга. Там готовили ужин такие же саккаремцы, как те, которых привёл с собой младший Хум.

Волкодаву дали копьё с толстым древком и длинным, тяжёлым остриём, – для ближнего боя. Металл наконечника, по мнению венна, мог быть и получше, но выбирать не приходилось. Бери, что дают, да поблагодарить не забудь. Где же напасть доброй стали на целое войско, притом ещё и мятежное, собиравшееся на ходу!.. Древком служил рябиновый ствол, плохо окорённый и не очень прямой. Ничего: на одну схватку и такого хватит. Как и самого ратника,

прихотью случайных ветров занесённого в войско опального комадара.

Волкодав украдкой ощупал нательный пояс, сохранявшийся под одеждой. Там, в наглухо зашитом кармашке, лежало самое ценное и святое, что у него было. Оставить при себе? Отдать матери Кендарат? А толку, если доведётся погибнуть?..

Щита у него не было. Весь день он с другими пешцами рыл ловчие ямы и таскал мешки с землёй, возводя укрытия для стрелков, и лишь в сумерках отправился к озёрному берегу, заросшему густым ивняком. Как всякий правильный венн, он умел плести корзины, хотя настоящего мастерства в этом деле и не достиг. Выбрав куст с самыми узкими листьями, Волкодав мысленно повинился перед ним и вытащил нож, прикидывая про себя, какой изгиб должен быть у щита, чтобы легче соскальзывали и меч, и топор.

Когда он для пробы связал верёвкой концы продольных жердинок, к нему подошёл Иригойен.

– Друг мой, – удивился халисунец, – ты решил сделать лук?..

Волкодав мельком посмотрел на него и ничего не сказал. Всё равно без толку что-то объяснять несостоявшемуся жрецу, никогда не державшему в руках боевого лука. Иригойен вздохнул, сел на камень и стал смотреть, как венн, сняв верёвку, пробивает концом ножа щели в толстых прутьях и протаскивает сквозь них чуть подтёсанные поперечины.

У него самого в ладони въелось что-то зеленоватобурое.

– А я травы собирал, – сообщил он Волкодаву. – Мать Кендарат позволила остаться только троим прежним лекарям, а прочих выгнала палкой и запретила показываться на глаза. Потом велела мне созвать лагерных девок... ну, тех... Показала нам травы и мхи и послала кого на луг, кого в болото, да чтобы дёргали только корни и самые сочные молодые ростки, ведь сейчас осень. Когда мы вернулись, она грозила проклятием повару комадара, потому что он не хотел отдавать ей топлёное масло и половину вина.

Волкодав успел решить, что Иригойен жалуется ему на свою тяжкую долю, но тот вдруг рассмеялся:

– Только как бы повар не проклял её саму, когда увидит, во что она превратила его лучшую деревянную ступу. Теперь ещё месяц все подливы будут кровохлёбкой и сабельником отдавать.

Волкодав не припоминал, чтобы Кан-Кендарат назначали старшей над лекарями. Что ж, переставший хромать Тайлар вполне мог дать ей полную волю в деле, которое она так хорошо знала. Потом венн представил себе целомудренного служителя Лунного Неба по пояс в болоте, в окружении шлюх, высоко подоткнувших мокрые подошвы, и ему стало смешно. Тем не менее маленькая женщина, похоже, свернула настоящую гору. Отняла небось, кроме ступы, у повара ещё и самый большой котёл – и наварила в нём зелий. Не таких изощрённых, как тот чудо-порошок, но зато на всех хватит.

– Другие доносили бы комадара жалобами на бездарных помощников и нехватку снадобий, а она лишь огляделась и посмотрела, что у неё под руками, – с тихим восхищением проговорил Иригойен. – Она сказала мне: кто хочет что-то сделать, тот делает. А кто не хочет, придумывает отговорки.

Волкодав согнул вместе концы двух длинных лозин и стал заплетать остов щита вицей, скручивая хлысты «верёвочкой»: так будет прочнее. Между прочим, толочь овощи на подливу в испорченной ступе повару предстояло, только если завтра будет победа. Иригойен же говорил о его страданиях как о деле решённом. Знак какой прочёл на лице Луны? Или просто по чистоте сердца?.. Волкодав не стал спрашивать.

Как и об имени сына невольницы, перед которой Иригойен теперь боялся предстать. Потому что это, по сути, не имело никакого значения.

Когда-то венны тоже воевали между собой. Очень давно, когда они только осваивали доставшиеся им земли. Если охотники замечали в лесу следы чужаков, они старались выведать, откуда те явились. И спустя несколько дней в чужие ворота стучалась вооружённая ватага.

Жители выходили навстречу. Ватажники всячески старались устрашить их, показывая, чего стоят. Хвалились меткостью стрельбы, плясали без устали, голыми руками гнули железо. И сказители возлагали пальцы на струны, прославляя доблесть родовичей.

Жители отвечали как могли, в свой черёд запугивая пришлецов.

Если силы оказывались равны, вернувшиеся ватажники в восторге рассказывали домашним, что за чащами, за большими озёрами у них появились крепкие друзья. Можно ладить ярмарку, можно присматривать невест подросткам парням!

Если у кого-то всё же холодела душа, один род поглощал другой. Принимал слабых в себя, чтобы не сгнули без присмотра. Поэтому не каждый изначальный род сберёг своё имя. Зато все про всех знали, кто где живёт. И от кого чего ждать.

Соседи-сольвенны ещё помнили предков, но отеческие заветы не чтити. У них появились боевые вожди – кнесы – и дружины при них. Эти дружины сходились помериться молодечеством, постучать топориками о шлемы. Но и они стремились не уничтожить друг дружку, а лишь выяснить, кто сильнее, кому быть кнесом, а кому – боярами при нём. Их воинские деяния оставались службой грозным Богам, и Боги творили Свой суд, вознаграждая доблесть и честь.

И только когда сегванам совсем не стало житья на родных Островах и вожди повели племя за племенем на матёрую сушу, которую морской народ называл просто Берегом и которую давно уже поделили между собой другие народы, – только тогда ратное дело наполнилось бесславленным стремлением убить, истребить, вырезать врагов под корень. Теперь, стоя против вражеской рати, уже не ждали, пока там подвяжут бороды и зашнуруют доспехи. Победу в бою отныне выгрызали зубами, не разбирая средств и не думая о цене. Могли напасть ночью, сзади, врасплох. Могли поклясться в дружбе – и всадить в спину клинок.

Так обстояло дело в северных краях, по ту сторону гор. Саккарем был древней, богатой и просвещённой страной. Здесь о воинской Правде забыли уже пятьсот лет назад.

Комадар Байшуг, кажется, собирался не битву творить, а, скорее, выпороть непокорных. Он решил обойтись без зачина единоборством. Много чести для бунтовщиков, преступивших долг верности шаду. Урлакам поединка не предлагают. Их вешают без суда и долгого разбирательства.

Когда пропела труба, Волкодав повесил щит на левую руку и стал смотреть, как надвигается с той стороны поля передовой полк.

Пешцы Байшуга выглядели внушительно и грозно. Все – в кожаных доспехах и шлемах. Самые передовые – ещё и при железных нагрудниках. Когда уже можно будет различить черты лиц, из-за их спин с жужжанием взвоятся дротики, слетевшие с копьеметалок[5 - Копьеметалка – древнейшее изобретение, обычно палка с упором на одном конце, своеобразный «удлинитель» руки. При определённой сноровке позволяет значительно увеличить дальность броска, меткость и убойную силу дротика или тяжёлой стрелы.]. Тогда передовые опустят копья и побегут, и холмы содрогнутся от грозного многоголосого рёва «За шада!», рвущегося из перекошенных ртов.

Страшно стоять и смотреть, как на тебя катится такая лавина. Страшно ждать удара, всепокрушающего и неотвратимого: ведь на одном из этих копий, кинжалов, кривых ножей может быть незримиными письменами начертано твоё имя.

И вот ты уже чувствуешь себя травинкой росного луга, где взмахивают свистящими клинками косцы. И как ни укрепляй сердце, а взгляд нет-нет да и метнётся в сторону – куда бы сбежать. Это не трусость, а нутряной голос жизни, знать не знающей, во имя чего зовёт воинов боевая труба.

Потом Волкодав попытался представить на месте ратников шада комесов Людоеда. Вот от этих нам могла бы приключиться беда... НАМ! Что, мятежное войско для меня уже стало своим?..

– Зверюшку-то зачем принёс на погибель... – попрекнул венна товарищ по строю, стоявший слева. – Хоть у кашеваров оставил бы!

Голос у парня не то чтобы дрожал, но звучал немного неверно.

Не на погибель, мог бы сказать ему Волкодав. Кто в бой идёт за погибелью, тот её только и находит, а мы пришли за победой. Однако разговоры заводить было некогда. Поэтому он лишь улыбнулся. Нос у него был перебит, во рту не хватало переднего зуба. Зато по сторонам резко выделялись клыки. Строевой[6 - Строевой – здесь: сосед по воинскому строю.] улыбнулся в ответ и, кажется,

немного приободрился.

Волкодав смотрел на приближавшееся Байшугово воинство и мысленно прикидывал, где труба поднимет наступающих в бег. Ещё его занимало, здесь ли «золотые» из отряда Верлаха. А куда им деваться, конечно, они были здесь. Только небось не в первых рядах, а где-нибудь у шатра комадара.

Ничего... Доберёмся и до шатра...

Мыш топтался у него на плече и временами недовольно шипел. Перед боем Волкодав расплёл и тщательно расчесал волосы. Цепляться за них, как привык пещерный летун, сразу стало неудобно.

Восемьдесят шагов... Семьдесят девять...

Совсем рядом с ним кто-то лихо, с переливами свистнул, точно голубей в полёт посылал, а потом во всё горло запел:

Сестрёнка у шада собой хороша.

Такую увидишь, сомлеет душа!

Её не насытит один удалец,

Так сказывал нам шо-ситайнский купец...

Люди стали смеяться. Сразу несколько десятков голосов подхватили разбойный припев:

А если не веришь – пойд и проверь!

Тебя не прогонит красotka Дильбэр!

Ратники Байшуга приближались. Волкодав почувствовал, как вспотела рука на копье, и поудобнее перехватил древко.

– Ты его держишь, как мономатанец, – удивился сосед.

И пальцами можно обнять её стан,
Так сказывал нам белобрысый сегван.
В пупке у неё золотое кольцо,
Так сказывал нам Ученик Близнецов! —
гремело над полем.

Блестящие волосы – гуще, чем пух:
Так сказывал нам халисунский пастух.
А грудь – что вершины кочующих дюн,
Так сказывал нам чернокожий колдун!

Сорок шесть... Сорок пять...

Роскошные плечи – нежнее, чем шёлк,
В том клялся весь пятый наёмничий полк!

Тридцать девять...

А если не веришь – пойдя и проверь!
Тебя не прогонит красotka Дильбэр!

Какой-то неприятельский сотник закричал своим людям и первым сорвался на бег. После победы его назовут героем, не стерпевшим, чтобы всякая чернь смрадила[7 - Смрадить – срамословить, непристойно поносить.] венценосную шаддаат. Надвигавшийся строй сломался и сразу стал гораздо менее страшным. Слитная лавина превратилась в скопище самых обычных людей, уже взопревших в тяжёлой воинской сбруе. Людей смертных и уязвимых.

Это сразу доказали пращники Тайлара, выскочившие из кустов у края болота.

В ответ полетели неприятельские сулицы[8 - Сулица – дротик, метательное копьё.], но опять без команды и редким дождиком вместо смертоносного ливня.

Улыбнётся ли Дильбэр, когда ей расскажут, что песня о её красоте отняла преимущество у войска презренного брата?

Отряд, где стоял Волкодав, тоже непроизвольно заволновался, приподнял колючую щетину копий, но Фербак вовремя рявкнул на подчинённых, призывая к готовности.

Потом с холма позади них прокричала труба.

Пешцы Фербака тут же сделали по несколько шагов каждый – одни в сторону, другие назад, третьи вперёд. Волкодав едва не замешкался, но вовремя вспомнил, кто должен был оказаться у него справа и слева, и торопливо занял нужное место.

Вместо ровного строя перед набегавшими ратниками Байшуга явил себя острый клин. Задние, вооружённые более длинными копьями, утвердили их на плечи передним – поди подступись!

Но вражеских передовых подпирало сзади всё войско, и подступиться пришлось.

Кто-то вбежал в объятия смерти с бешеным криком, выставив перед собой копьё. Кто-то отчаянно пытался остановиться – и не сумел. Волкодав близко увидел сумасшедшие глаза, но не запомнил их цвета. Его рогатина вдвинулась в кожаный доспех как раз под нагрудником. Он сбросил начавшее оседать тело, и в холодном утреннем воздухе от лезвия повалил пар.

Можно бить колуном по полену. А можно – поленом по колуно. Итог будет один: полено расколется.

Пешая рать комадара Байшуга стала неотвратно распадаться на две неравные части. Одну постепенно разворачивало к прибрежному болоту, навстречу засевшим там пращникам. Другая двигалась в сторону ловчих ям, прикрытых дерниной.

Думай теперь, возвеличенный шадом военачальник, куда посылать конницу!

Клин копейщиков – Тайларова придумка – покачивался, топтался, рычал, терял людей, истекал кровью, но держался. Стоял.

Стоял!

Волкодав прикрывал кого-то ободренным, но ещё годным в дело щитом. И замечал краем глаза, как строевые отводили удары от него самого. На нём уже точилось кровью несколько ран, он даже толком не заметил, когда их получил.

Лютая резня не затягивается надолго, потому что у человеческой души есть предел. Изначальный напор воинов шادا постепенно иссяк, а потом они и вовсе откатнулись назад. Их старшины примеривались к наметившейся неудаче, прикидывали, как выправить дело.

Волкодав огляделся и заметил ярко-красное пятнышко, мелькавшее в редколесье. Вестник имури. Венн в жизни своей не видал, чтобы человек бежал с такой быстротой. Мгновением позже он различил двоих всадников, преследовавших бегуна. Они нахлёстывали резвых саккаремских коней, но перехватить имури, петлявшего среди сосенок, никак не могли. Волкодав поднял с земли копьёметалку, приладил к ней сулицу – и метнул. Всякий веннский мальчишка пользуется металкой, пока не войдёт в силу для отцовского лука. С первого раза чужое оружие не вполне покорило его, но вторая сулица вынесла передового всадника из седла. Его товарища отогнали пращники. Красное пятнышко продолжало мелькать среди деревьев, но гораздо медленней прежнего.

Выбравшись на открытое место, имури свернул в сторону клина. Воины сразу заметили, каким неуклюжим стал прежде летучий шаг бегуна.

– Ты и ты! – рявкнул Фербак. – За ним!

Волкодав и его строевой сорвались с места. На полдороге венн понял, что к ним пыталась добежать женщина. И силы у неё были уже на исходе. Оказавшись рядом, Волкодав подхватил вестницу на руки. Её некогда белая набедренная повязка набрякла кровью из раны в спине, над коленом торчала обломанная стрела. Чутьё на опасность заставило Волкодава прянуть в сторону, и весьма

вовремя. Там, где он только что стоял, ткнулся в землю очередной дротик. Венн помчался назад, под прикрытие клина, шарахаясь из стороны в сторону, чтобы метатели не могли взять верный прицел.

– Я умру, – узнав склонившегося к ней Фербака, спокойно выговорила имури. Щёки у неё были пепельно-серыми вместо смуглых, на губах пузырилась кровь. – Скажи Хуму: шад иррт...

– Уймись, женщина! – перебил сотник, закручивая на точёном бедре бегуньи ремённый жгут. – Твоя весть не для наших ушей! – И вскинул глаза на Волкодава: – Живо к комадару её!

Венн поудобнее перехватил вестницу, поднялся на ноги и побежал, стараясь держаться кустов. Самодельный щит висел за плечами: какая-никакая, а всё оборона от случайной стрелы. Он слышал, как сзади возобновилось сражение. Ещё шаг и ещё. Потом всё то же чутьё, некогда помогавшее уворачиваться от обвалов, бросило венна на колени. Он согнулся, прикрывая собой худенькую вестницу. Тотчас же его будто обухом огрели по рёбрам. Наконечник, искавший человеческой плоти, косо рванул плетёнку и застрял, растеряв силу. Всё же не зря когда-то Межамиров Щенок целую осень ломал пальцы, пытаясь повторить корзину, купленную у Лосей. Без щита он сейчас заливался бы кровью, гадая, сможет ли подняться.

– Скажи Хуму... – опять начала вестница, но Волкодав вскочил и бросился дальше, и она умолкла, закусив губы.

Она была совсем не тяжела у него на руках. Рану под лопаткой заткнули комочком промасленной шерсти, но сколько крови успело вытечь из разорванных жил?.. Венн катился кувырком, прятался за скалами и перепрыгивал валуны. Он подоспел только похоронить Итилет, но бегунья имури ещё цеплялась за его плечо, он слышал, как свистело её дыхание, и мчался так, словно от этого зависело, будет ли деревня мучеников по-прежнему зваться деревней виноделов.

Потом вражеские стрелы перестали биться рядом о камни. Волкодав понёсся во всю прыть, больше не прячась. Вверх, вверх по склону холма. Рядом со стягом комадара уж верно сыщется лекарь...

Серая кобыла беспокойно плясала, отзываясь на запахи ярости, страха и крови, на глухой гул сражения, доносившийся снизу. Алая рубашка имури без задержки провела Волкодава мимо бдительной стражи. Заметив её, Тайлар заорал «Лекаря сюда!» и спрыгнул с седла, чтобы взять в ладони клонившуюся голову вестницы.

- Ты добежала, сестра!

- Шад иррт сайчел нардари конис[9 - Имеются в виду события, описанные в повести Павла Молитвина «Сундук чародея».], - внятно, ясным голосом выговорила бегунья.

Её рука, цеплявшаяся за локоть Волкодава, обмякла и повисла бы, но пальцы, измазанные в крови, успели прилипнуть. Она закрыла глаза. Весть, едва не стоившая жизни придворной рабыне, которую, застукав у дверей, неминуемо отдали бы страже, а потом ещё живую насадили на кол, весть, мчавшаяся через весь Саккарем из уст в уста, потому что доверить её чернилам было слишком опасно, весть, оплаченная кровью быстроногой бегуньи, - эта весть наконец достигла нужных ушей. Всё было сделано на земле.

К тому времени, когда Волкодав вернулся к озёрному берегу и начал искать свою сотню, клин, расколовший пеший порядок Байшуговой рати, уже выполнил назначенный урок[10 - Урок - здесь: задание, обязательное к выполнению.] и распался. Оба комадара успели выпустить конницу, но боевая удача сегодня была на стороне Тайлара. Клич «За шادا!» ещё звучал над озером Трон, но рога, выпевавшие «Торгум, Торгум» и грозное многоголосое «Хум! Хум!», всё уверенней заглушали его.

Копьё Волкодава так и торчало там, где он оставил его. Никому не понадобилось. Венн выдернул его из земли и побежал следом за наступающей ратью. Если Бог Грозы надумает хоть мельком взглянуть на эту долину, не все люди Верлаха будут убиты или, по обычаю насильников и убийц, успеют удрать. Останутся хоть двое-трое и ему на поживу. Волкодав не очень представлял себе, каким образом отличит душегубов, но почему-то не сомневался - сумеет.

Должна же быть какая-то справедливость на свете.

А иначе и жить незачем.

Заметив сотника Фербака, Волкодав понял, что Божья Правда не совсем оставила этот мир. Собрав своих ратников в сплочённый кулак, бывший пахарь прорубался прямо к шатру полководца. Этот шатёр легко было узнать по золотой пятерне, венчавшей срединный шест. Так велось вроде бы оттого, что комадаров в Саккареме всегда было пятеро. По одному на каждую украину[11 - Украина - здесь: край, часть страны, в особенности пограничная.] державы - и ещё один, сражавшийся в море. Как раз когда Волкодав с сожалением понял, что самого Байшуга пленить, похоже, не судьба, из шатра послышался отчаянный девичий визг.

Такой, что у него закружилась перед глазами дымный чад факелов и метнулись стремительные крылатые тени. Звероловкам, вооружённым кинжалами и кнутами, привезли на потеху рабынь...

Он рванул в сторону тяжёлую входную занавесь и нырнул внутрь.

Там посреди ковров на полу тускло рдело кольцо, расползавшееся от опрокинутой жаровни с углями. Гораздо больше света вливалось сквозь дыры, пропоротые в матерчатых стенах. Шестёрка нетерпеливых бунтовщиков, оставив ещё длившееся сражение, рылась в сундуках и вспарывала тюки. А самый нетерпеливый уже вминал в пол девушку, захваченную в шатре.

Будь у Волкодава время хоть немного задуматься, он проклял бы тот день и час, когда впутался в саккаремский мятеж, сдуру понадеявшись, что одни люди могут оказаться лучше других. Однако времени у него не было. Несчастливая девчонка извивалась и билась под насильником, запутавшись ногами в цепочке, тянувшейся от кольца на лодыжке к тому самому шесту, увенчанному пятернёй. Она даже не могла больше визжать. Одна широкая лапа зажимала ей рот, другая жадно шарила по её телу, рвала одежду...

Волкодав не пригвоздил скота копьём только потому, что неминуемо убил бы и его жертву. Непонятная сила оторвала хищника от добычи, поставила на ноги и развернула, он успел заметить глаза, светившиеся в потёмках шатра, и в лицо ему, дробя кости, врезался стенобитный таран.

Его дружки, спасённые жадностью, пересилившей похоть, оглянулись и скопом бросились на Волкодава.

Пятеро на одного – счёт очень неравный, но у венна были железные кулаки и привычка драться в темноте и тесноте. Он не стал звать подмогу. Какая подмога? Пятёрка врагов только превратилась бы в десяток. Кругом саккаремцы, люди одного языка, а он – никто и звать никак...

Тем не менее кто-то из строевых Волкодава заметил, как он метнулся в шатёр. Входная полсть снова взлетела. Венн, неплохо видевший в скудном свете, узнал кое-кого из тех, с кем вместе рубился на острие клина. Раздался яростный крик, что-то вроде «Наших бьют!», и драка в шатре пошла с новой силой.

Пока во главе ближников не вломился Фербак и, пытаясь растащить рычащий клубок, не снёс весь шатёр, обрушив в пыль блестящую пятерню.

Проморгавшись и поняв, что всё кончилось, Волкодав увидел на своих кулаках кровь. И правая скула онемела, рассечённая ударом. Девчонка, полуживая от страха, съёжилась на остатках затоптанного ковра. Чуть поодаль распластался насильник. Со спущенными штанами и мужским оружием, приготовленным к бою, но успевшим сморщиться и обвиснуть. Одна рука поверженного угодила в кучу углей, но мужчина не шевелился. Середину его лица вмяло так, что только родная мать и признает.

Тайлар Хум смотрел на них с высокого боевого седла. Глаза комадара были двумя осколками чёрного самородного стекла, из которого делают головки для стрел.

– Ты!.. – зарычал он на Волкодава. – Во имя Крови и Стали! Ещё бой идёт, а ты вздумал драться из-за добычи?..

– Он... – начал было Фербак, но венн решил сам за себя постоять.

Нагнувшись к девчонке, он принудил её выпрямиться и оторвать руки от лица.

– Посмотри, комадар! – хрипло выдохнул он. – Посмотри на неё!

Он всего-то хотел сказать, что несчастная пленница была дочерью и сестрой всякой женщине, замученной трусливыми подручными Менучера, и никак не ждал того, что сделалось с Тайларом от его слов.

Комадар вдруг побелел, словно увидев перед собой выходца с того света.

– Девушка из деревни!.. – вырвалось у него, а рука сама собой сотворила знак Богини, отвращающий зло.

Ничего не поняв, венн впервые как следует пригляделся к рабыне. И тоже мало не ахнул.

С нежного, непоправимо заплаканного личика, украшенного свежими синяками, сквозь разводы сурьмы и расплывшихся румян смотрели сине-зелёные глаза, небывало редкие даже для Саккарема.

Глаза Итилет.

Только не устремлённые в неподвижную даль, а полные жизни, слёз и беспомощного страха. И несомненно зрячие.

– Девку в обоз, – овладевая собой, жестяным голосом распорядился Тайлар. – С рук на руки жрице! Остальные – за мной!

Девушку ещё удерживала цепочка, тянувшаяся к поваленному столбу. Волкодав взялся за тонкие витые звенья, и они лопнули в его пальцах, как подгнившие нитки.

Она вздрагивала от каждого внезапного голоса, раздававшегося вблизи костра, и всякий миг ждала для себя ужаса хуже смерти. Мать Кендарат велела ей как следует вымыться, отобрала изорванное платье – пунцовый шёлк, расшитый поддельным жемчугом, бубенцами и дешёвыми блёстками, – и выдала взамен что-то вроде толстого мешка с дырками для рук и головы. И стёганый плащ из своих запасов, с куколем[12 - Куколь – капюшон.], прикрыть роскошные волосы. Несомненное сходство с маленькой горянкой сделалось абсолютным. Волкодав изредка косился на девушку и снова смотрел на огнистые закатные облака, за

которыми ему всё явственней мерещилась непостижимая усмешка Богини.

– Стало быть, они уехали в Мельсину бездетными, а через два года вернулись с маленькой дочкой, – кивая каким-то своим мыслям, пробормотала мать Кендарат. – Что ты о себе помнишь, дитя?

Длинные ресницы испуганно вспорхнули.

– Эта рабыня сумеет всё, что потребует от неё госпожа...

– В каком краю ты росла?

– Рабыню учили готовить медовые шарики... И воздушные нити, и мельсинское печенье с орехами...

Жрица вздохнула:

– За кашей присмотришь, чтобы не подгорела?

– Рабыня всё сумеет для госпожи...

Волкодав повернулся к ней, и девчонка чуть не бросилась перед ним на колени. Она мало что разглядела во время драки в шатре, но вот то, как снаружи молча влетел большой серый пёс, сгрёб насильника и сразу отхватил ему полголовы, запомнила на всю жизнь.

– И ещё эта рабыня обучена девяноста девяти позам, дарующим блаженство...

– Девушке не грех знать, как стать желанной для мужа, – хмыкнула мать Кендарат. – Ну-ка, улыбнись!

Она улыбнулась. Заученно-красивой, как бы застенчивой и в то же время развратной улыбкой, сулившей милостивому хозяину множество лукавых затей.

Невозможно было представить такую на лице Итиллет.

– Улыбаться ты не умеешь, – вздохнула мать Кендарат. – Тебя как звать-то, дитяtko?

– Рабыня будет радоваться всякому имени, что даст ей госпожа...

– Дурочка, – беззлобно ругнулась седая женщина. – Как тебя мать называла?

– Рабыня не помнит матери... Только добрых матушек, учивших её насущному для наложницы... Потом её купили для господина Байшуга ради празднования победы...

– А подружки как тебя называли?

– Эртилет, госпожа...

Ну конечно. Ясноокая и Радость-для-Взора. Усмешка Богини становилась всё очевиднее. Быть может, идя по кривой улочке Висельников, Айсуран засмотрелась на двух малюток-близняшек, только что привезённых в какой-нибудь «девичий садок». Так в незаконном Саккареме распоряжались судьбой уличных подкидышей и тех, кого в отчаянии продавала родня. Айсуран с Кинапом собрали все деньги, какие только сумели найти. И хозяин дома наложниц не упустил своей выгоды: продал им слепое дитя.

Венн стал думать о том, что искалечить человека можно очень по-разному. И о том, что почти всё удаётся исправить, пока человек жив. Правда, к нему самому это не относилось. Его на этом свете держали два неисполненных дела. И больше он не позволит себя отвлекать ничему постороннему. Даже саккаремской войне. Или мыслям о девяноста девяти позах.

Подошёл осунувшийся Иригойен, тяжело сел на камень и протянул руки к огню. От него пахло горькими травами, болью, кровью, надеждой.

– Мать Луна, – вырвалось у него, когда он присмотрелся к девчонке.

Войско собиралось. У костра один за другим объявлялись молодые стрелки. После боя их осталось шестеро, остальных сгубило слишком безрассудное молодечество. Четверо выживших надумали остаться с Тайларом Хумом и

мстить до конца. Пятого отрядили доставить домой пояса погибших братьев – и подстреленного шестого, нянчившего перебитую руку.

Волкодав хорошо знал, как болят подобные раны. Но даже однорукий Саргел перестал кусать губы, во все глаза глядя на воскресшую Итилет.

Сколько же трудов придётся положить этому забитому существу, прежде чем Айсуран сможет признать в ней ещё одну свою дочь, гордую и свободную. Одна надежда на скромных деревенских парней. Путь до дома неблизкий, глядишь, и научат её улыбаться по-настоящему. А если Волкодаву не померещилась усмешка Богини, может, вернувшейся Итилет ещё вправду придётся выбирать из двух женихов. Ведь теперь люди будут знать, что по крови она им не родня.

Он подошёл за кашей в самый поздний черёд. Сегодня он убивал, но на войне, и веннская Правда разрешала от очистительного поста до её окончания.

Мать Кендарат большим черпаком наполнила его миску.

– Ну а ты? – вдруг спросила она. – Тебя-то как звать будем, малыш?

Венн хотел по обыкновению отмолчаться, но голос матери, долетевший неведомо откуда, вновь шепнул ему на ухо, и он сказал:

– Называй меня Волкодавом.

Когда временами, почти заблудившись во мраке,

Я вдруг устаю оставлять на дороге следы,

Без зова ко мне подбегают большие собаки

И рядом встают, заслоня собой от беды.

Я пальцы вплетаю в колючие жёсткие гривы,

И запах звериный глаголет, что мы ещё живы.

А значит, рыча и пыхтя, обдирая колени,

Хотя бы ползком, опираясь на спины друзей,

Но только вперёд, разгоняя зловещие тени,

По ранящей ноги, кремнистой и жёсткой стезе.

Пусть даже мне хочется сдаться на каждом шагу,

Я тех, кто поверил в меня, подвести не могу.

2. Отхожие земли[13 - Отхожие земли - никому не нужные территории, пребывающие в запустении.]

Уж на что Волкодав не любил горы, но по мере приближения к Дымной Долине даже он взялся вертеть туда-сюда головой. Склоны выглядели так, будто в стародавние времена здесь топтался злой великан. Может, тот самый, что похитил сегванскую красавицу Ордлу, прародительницу островного народа. Пласты земной тверди ломались под ножищами великана, как тонкий лёд. Вставали дыбом, опрокидывались и крошились. Слои чёрного, серого, жёлтого, бурого, рыжего, зеленоватого камня до сих пор ещё не везде допускали на свои грани даже вездесущий лишайник. И первозданно блестящие под морозящим дождём, будто Камень, покорёживший покровы Земли, пробил Небо только вчера.

Вот так и ощутишь себя крохотной частицей мироздания, столь огромного, что даже с Богами в нём может приключиться беда.

Распрощавшись осенью с виллами, он предполагал достичь Дымной Долины уже через несколько дней. В итоге уже подходила к концу слякотная саккаремская зима. Да. А началось всё с того, что я решил проводить до ближайшего поселения двух женщин и беспомощного избитого парня...

Волкодав до сих пор временами гадал, правильно ли он тогда поступил.

Теперь у них с Иригойеном и матерью Кендарат имелась ручная тележка. Там сохранялся под кожаной полстью общий скарб: прочный шатёр, одеяла, тёплая одежда, съестное, котёл, сухие поленья на растопку. Мужчины по очереди катили тележку, жрица ехала на осле, нахохлившись под рогожным плащом. Как и сын пекаря, она родилась в краю, где дождь шёл куда реже здешнего.

Холодная сырость была нипочём одному Волкодаву.

Дорога, по которой мерно постукивали деревянные колёса, тоже имела весьма мало общего с горными тропами северного Саккарема. Додревний народ, оставивший по себе лишь очень смутную память, вымостил её гладкими глыбами непроглядно-чёрного камня, очень плотно подогнанными одна к другой. Века, обратившие в прах останки строителей, наградили дорогу глубокими колеями. А ещё на неё через каждые несколько вёрст наступал великан, крушивший здесь землю. Нынешние саккаремцы заваливали овраги землёй и каменной крошкой, пытались заново ладить мостовую. Если сравнивать со старой дорогой, зрелище выходило жалкое. Может, рассуждавшие о людском измельчании были не так уж и неправы...

По тракту взад и вперёд сновали пешие и конные. Кто-то добирался в священную долину пешком, кто-то – в богатом возке. Саккаремцы верили, что молитва в Дымной Долине очищала душу, снимая с неё бремя грехов. А кто решится считать себя совсем свободным от прегрешений?

На обочине заливались слезами две женщины. Одна из них оступилась в мокрую колею и, падая, не уберегла расшитую сумку. Теперь они вытряхивали из неё черепки. Две сестры потратили все деньги на кувшинчик воды из священного потока. Эта вода должна была исцелить больную дочь старшей.

– В твоей стране, – сказал Волкодав.

– Да? – не поворачивая головы, отозвался Иригойен.

Он знал, что продолжение могло последовать очень не скоро. Например, завтра или в лучшем случае на вечернем привале. Однако венн заговорил всего-то через сотню шагов:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Беспрочее – человек, от которого не ждут никакого проку.

2

Полсть – всякий плоский лоскут, плотный стёганный, войлочный или меховой, используемый на подстилку, занавесь или покрывало.

3

Щёлок – водный настой древесной золы, старинное средство для мытья и стирки.

4

Одрина – здесь: телега для перевозки мертвых тел.

5

Копьеметалка – древнейшее изобретение, обычно палка с упором на одном конце, своеобразный «удлинитель» руки. При определённой сноровке позволяет значительно увеличить дальность броска, меткость и убийную силу дротика или тяжёлой стрелы.

6

Строевой – здесь: сосед по воинскому строю.

7

Смрадить – срамословить, непристойно поносить.

8

Сулица – дротик, метательное копьецо.

9

Имеются в виду события, описанные в повести Павла Молитвина «Сундук чародея».

10

Урок – здесь: задание, обязательное к выполнению.

11

Украина – здесь: край, часть страны, в особенности пограничная.

12

Куколь – капюшон.

13

Отхожие земли – никому не нужные территории, пребывающие в запустении.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/mariya-semyonova/mir-po-doroge>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)